

**Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ.—Былины объ Алешѣ Поповичѣ
и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси.**

*(Читано въ годовичномъ собраніи Историческаго Общества Нестора лѣтописца
20 марта 1883 году).*

Историческое Общество, празднующее нынѣ десятую годовщину своей дѣятельности, носить имя почившаго въ здѣшней Печерской обители инока, которому преданіе изстари усвоетъ составленіе лѣтописи первыхъ временъ Русской земли. Кто бы ни былъ ея составитель, —удалившись отъ міра, онъ сохранялъ горячій интересъ къ судьбамъ родной земли и занесъ въ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ все, что узналъ о старинѣ, не только изъ книгъ и старыхъ записей, но и отъ людей, хранившихъ преданія о ней въ своей памяти. Быть можетъ, онъ слышалъ и пѣсни о „старомъ Владимірѣ“, о „старомъ Ярославѣ, храбромъ Мстиславѣ“ и мн. др. Такія пѣсни несомнѣнно были у насъ въ началѣ XII-го столѣтія. Подъ вліяніемъ крупныхъ военныхъ столкновеній двухъ или нѣсколькихъ народностей, развивается обыкновенно героическая поэзія. Она является лучшимъ достояніемъ эпохъ энтузіазма и героизма и вмѣстѣ наивности и пылаго воображенія. Вѣка постоянныхъ столкновеній съ кочевниками, наступавшими съ востока и юга, вѣка храбрости, удалства и кипучаго молодечества должны были вызвать и у насъ, какъ повсюду, пышный разцвѣтъ былевой поэзіи.

Съ той поры у насъ не умолкала историческая народная пѣсня. Она откликалась на всѣ важнѣйшія событія нашей исторической жизни. Сохраняя постоянно сказанія о времени нашей народной

юности, о дняхъ Владимира Краснаго Солнышка, поминая въ лицѣ богатырей тѣхъ „храбрыхъ“, которые грудью стояли за русскую землю и охраняли ее отъ Печенѣговъ, Половцевъ и затѣмъ легли костями въ тяжелую годину татарскаго нашествія, наша народная эпика присоединяла и примѣняла къ этому начальному повѣствованію воспоминанія о временахъ позднѣйшихъ, о татарскомъ лихолѣтѣ, о Грозномъ царѣ, о смутномъ времени, о подвигахъ южнорусскаго козачества въ борьбѣ съ татарами, о невгодахъ, пережитыхъ южной Русью, о великомъ преобразователѣ Россіи и т. д.

Такъ составилось довольно полное повѣствованіе о судьбахъ нашей земли, доселѣ живущее въ памяти народа,—лѣтопись, какою не можетъ похвалиться никакая другая нація: ни у какого другого народа нѣтъ эпикки, которая совмѣщала бы въ *живой* передачѣ всѣ важнѣйшіе моменты народной жизни, начиная съ основанія національнаго государства, которая помнила бы всѣ главнѣйшія событія столькихъ вѣковъ многострадальной народной и государственной жизни.

Въ день празднованія годовщины Общества, названнаго по имени, славному въ исторіи нашего отечественнаго лѣтописанія, мнѣ показалося не совсѣмъ неумѣстнымъ занять ваше вниманіе, мм. гг., нѣсколькими соображеніями о происхожденіи этой живой пѣсенной лѣтописи нашего народа. Она возникла здѣсь, на югѣ, и восходитъ своимъ началомъ ко времени, предшествовавшему Нестору. Она въ значительной степени повліяла на сказанія перваго лѣтописца и не уступаетъ ему въ величавомъ изображеніи нашей древней жизни, озаренной поэтическимъ свѣтомъ народнаго самосознанія. Устная лѣтопись, по своему общенародному значенію, не ниже книжной. Послѣдняя содѣйствовала храненію и распространенію повѣствованій о старинѣ, болѣе или менѣе соотвѣтствовавшихъ дѣйствительности; лѣтопись же народная, нѣсколько возвеличивъ прошлое, поддерживала тѣмъ въ нѣкоторой степени крѣпость народнаго духа въ настоящемъ. Начальная лѣтопись передавала правду жизни, лѣтопись былевая выражала вмѣстѣ съ тѣмъ правду творчества и нравственнаго міровоззрѣнія.

Въ частностяхъ сказаній о времени минувшемъ, какія хранилъ въ своей памяти народъ, онъ, естественно, не могъ строго придерживаться дѣйствительности. Это обстоятельство и послужило причиною появленія взглядовъ на происхожденіе нашего былеваго эпоса, которые страдали односторонностью и умаляли его значеніе.

Подъ вліяніемъ нѣмецкой науки о старинѣ и народности, и въ нашихъ былинахъ вздумали отыскивать отголоски далекой индо-европейской старины и полагали начало и основу нашего былевого эпоса въ преданіяхъ, относящихся еще къ до-исторической эпохѣ совмѣстной жизни арійскихъ народовъ. Такимъ образомъ, первенствующее значеніе въ нашихъ былинахъ приписали древнимъ мнѣческимъ вѣрованіямъ. Самыми видными представителями этой теоріи были Э. И. Буславъ и О. Э. Миллеръ¹⁾, нѣсколько умѣрившіе крайности ея по выходѣ надѣлавшихъ столь много статей г. Стасова, впадшаго въ противоположную крайность²⁾.

Г. Стасовъ былъ первый изъ тѣхъ, которые предположили, что сказанія нашихъ былинъ были занесены къ намъ въ позднѣйшее время и развились преимущественно подъ вліяніемъ чуждаго намъ эпоса. Сторонники такого мнѣнія, понятно, должны были допустить въ нашемъ былевомъ эпосѣ гораздо менѣе самостоятельности, чѣмъ сколько ея есть на самомъ дѣлѣ, и предположить, что нашему народу принадлежало только приуроченіе заимствованныхъ разсказовъ къ нѣкоторымъ именамъ нашей исторіи, да нѣсколько народная раскраска и распространеніе частностей.

Ошибки г. Стасова были скоро замѣчены, и изслѣдователи, заявившіеся послѣ него нашимъ былевымъ эпосомъ, обнаружили болѣе осторожности въ своихъ заключеніяхъ.

Вмѣсто татарскаго эпоса предположили иную основу для нашихъ былевыхъ пѣсенъ. Отъ востока обратились къ югу и отчасти къ западу³⁾. Замѣтивъ сходство отдѣльныхъ эпизодовъ нашего эпоса

1) Къ нимъ присоединился извѣстный изслѣдователь славянской мнѣологии Аѳанасьевъ.

2) Въ послѣднемъ изложеніи своего взгляда въ статьѣ о былинахъ, помѣщенной въ „Исторіи русской словесности“ Галахова, О. Э. Миллеръ отступилъ нѣсколько отъ прежнихъ своихъ воззрѣній на частности вопроса.

3) Въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1876 г. мы встрѣтили заявленіе Александра Никол. Веселовскаго, что онъ готовитъ монографію о „западныхъ отношеніяхъ русскихъ былинъ“. Нѣкоторые изъ фактовъ западнаго вліянія на нашу былевою поэзію освѣтила монографія И. Н. Жданова: „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“, Кіевъ 1881.

со сказаніями византійскими и южно-славянскими, предположили, что на созданіе его повлияли эти послѣднія¹⁾. Теперь начинаютъ все болѣе и болѣе заниматься выясненіемъ книжной стихіи нашего эпоса, и теорія позднѣйшаго литературнаго воздѣйствія становится модной²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаютъ вниманіе на такъ наз. странствующие мотивы и цѣлыя рассказы, которые встрѣчаются въ народной словесности и въ отражающихъ ея вліяніе литературныхъ памятникахъ многихъ народовъ и которые вошли въ обаліи и въ нашъ эпосъ³⁾.

Наконецъ, раздаются голоса въ защиту *историческаго* содержанія нашихъ былинъ, стараются отстоять ихъ историческую основу, выдвигая преимущественно историческіе элементы ихъ повѣствованій.

¹⁾ Въ нашей ученой литературѣ начало такого рода разысканіямъ было положено статью А. Н. Веселовскаго: „Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ“, помѣщенной въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Европы“ 1875 г.; здѣсь указанъ византійскій сюжетъ народныхъ пѣсенъ объ Аникѣ воинѣ. Проф. И. В. Ягичъ, по поводу эпитета „красное солнышко“, прилагаемаго въ нашихъ былинахъ ко Владимиру, указалъ на употребленіе подобнаго эпитета въ средневѣковой Византійской поэзіи. Arch f. slav. Philol., I Bd. S. 159—160.

²⁾ В. О. Миллеръ видитъ отголоски сказаній объ Александрѣ въ былинахъ о Волхѣ Всеславьевичѣ (Ж. М. Н. Пр. 1877, № 10, стр. 126 и д.). Въ статьѣ „Отголоски Александріи въ болгаро-русскихъ былинахъ“ В. О. Миллеръ „старался показать, что нашъ Вольга—перелицовка Александра, что его походъ въ Индію Богатую есть походъ Александра и что наша былина представляетъ такой рядъ совпаденій съ извѣстными чертами Александріи“, которыя устраняютъ, на взглядъ г. Миллера, мысль „о ея независимомъ происхожденіи и національно-русской основѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1878, № 12, стр. 261). Въ статьѣ „По поводу Трояна и Бояна „Слова о полку Игоревѣ“ (Ж. М. Н. Пр. 1878, № 12) г. Миллеръ старается „свести на книжный сюжетъ типъ еще одного quasi-національнаго богатыря, именно Микулупки Селяниновича. Онъ сводитъ „чешскаго Премысла и русскаго Микулу Селяниновича къ классическому типу пахаря и будущаго царя Гордіаса“ (стр. 261—267).

³⁾ Одною изъ первыхъ монографій въ этомъ направленіи была статья А. Н. Веселовскаго „Объ одномъ эпизодѣ въ былинахъ о Святогорѣ“ (Филологич. Записки 1876, вып. VI). См., далѣе, книгу Волльнера: „Untersuchungen über die Volksepik der Grossrussen“, Leipzig 1878.

Л. Н. Майковъ указалъ на то, что въ былинахъ „встрѣчаются лица, относимыя по лѣтописямъ къ X, XI, XII и XIII вѣкамъ“, и что многія былины подтверждаются лѣтописями. Трудъ г. Майкова былъ нѣсколько восполненъ работами другихъ ученыхъ. Н. И. Костомаровъ подвергъ обстоятельному анализу преданія начальной лѣтописи и видитъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ отголоски былевыхъ пѣсенъ. Г. Квашиня-Самаринъ въ рядѣ статей пытался отмѣтить всѣ историческія данныя, отражающіяся въ былинахъ. По поводу одного изъ его мнѣній была написана замѣтка объ Ильѣ Муромцѣ покойнымъ Максимовичемъ. Разбирая диссертацию О. Ѳ. Миллера въ 1871 г., Ѳ. И. Буслаевъ постарался „сильнѣе привѣрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ“.

Къ исторической точкѣ зрѣнія склоняется повидимому проф. И. В. Ягичъ въ своей монографіи о народной славянской исторической поэзи¹⁾. Онъ коснулся здѣсь выдающихся былинныхъ героевъ и въ небольшомъ очеркѣ представилъ весьма удачно исторію постепеннаго развитія сказаній о нихъ.

Но историческая теорія имѣетъ, кажется, менѣе всего сторонниковъ. Историки (напр., Д. И. Иловайскій), продолжаютъ отрицать историческую основу былинъ, нѣкоторые совсѣмъ отвергаютъ самотѣное происхожденіе нашего былеваго эпоса, и даже покойный И. И. Срезневскій выразился: „не нахожу силы настаивать ни на древности былинъ, прославляющихъ богатырей русскихъ, ни на древности богатырей этихъ былинъ“²⁾.

Среди такого разнообразія мнѣній теряется иногда отчетливое представленіе о томъ процессѣ, какимъ возникли наши былины. Сами изслѣдователи, подъ преобладающимъ вліяніемъ той или иной точки зрѣнія, не всегда соблюдаютъ надлежащую мѣру. Тѣмъ легче читатель, лишенный полнаго знакомства съ научными методами изслѣдованія, можетъ впасть въ преувеличеніе, усвоить односторонній взглядъ и

¹⁾ Gradja za historiju slovinske narodne poezije, prvi dio. Historijska svjedočanstva o rjevanju i pjesničtva slovinskih naroda. U Zagrebu 1876. Русскій переводъ помѣщенъ Задерацкимъ въ изданной имъ третьей книжкѣ „Славянскаго Ежегодника“ (Кіевъ 1878).

²⁾ Филологическія Записки 1873 г., вып. I, Ученныя Извѣстія, стр. 23—24.

прикнута въ тому или другому объясненію по преимуществу, между тѣмъ какъ не слѣдуетъ забывать, что каждый изъ этихъ методовъ можетъ имѣть значеніе не для всего эпоса, но только для частныхъ его; къ объясненію былинь приложимы всѣ теоріи относительно сходныхъ мотивовъ въ эпосѣ различныхъ народовъ. Отдѣльныя частныя изслѣдованія отодвигаютъ въ большинствѣ случаевъ на второе мѣсто основной вопросъ о методѣ изслѣдованія былинь, хотя въ тоже время высказаны весьма цѣнныя замѣчанія о частныхъ сторонахъ общаго вопроса учеными, разрабатывающими нашъ эпосъ, въ особенности А. Н. Веселовскимъ, О. Э. Миллеромъ, Э. И. Буслаевымъ, И. В. Ягичемъ, А. И. Кирпичниковымъ, И. Н. Ждановымъ.

Труды этихъ ученыхъ настолько уже выяснили исторію нашего былевого эпоса, что можно теперь поставить рядъ общихъ замѣчаній и приступить къ стройному воссозданію послѣдовательнаго развитія этого эпоса.

Я рѣшился предложить нѣсколько такихъ общихъ наблюденій и постараюсь затѣмъ подтвердить ихъ разъясненіемъ возникновенія нѣкоторыхъ былинь. Подобранные мною примѣры, сдастся мнѣ, покажутъ, что нашъ былевой эпосъ хранитъ въ обиліи несомнѣнно живыя историческія воспоминанія, но только они переданы въ духѣ, отличающемся въ большей или меньшей степени всякую народную эпичку.

Смѣвъ различныхъ стихій въ былинахъ не даетъ права на одностороннія заключенія, на преувеличеніе значенія заимствованій, которыми переполнены будто бы наши былины.

Все знаніе и искусство подчиняются закону припоминанія; вся умственная жизнь человѣчества слагается изъ воспоминаній и впечатлѣній. Не можетъ быть и рѣчи о полной оригинальности. Всякое произведеніе умственной дѣятельности коренится въ ближайшемъ прошломъ, за которымъ тянутся цѣлыя ряды вѣковъ: оно заключаетъ въ себѣ частности, возникшія въ разное время. Всякое произведеніе, при внимательномъ разборѣ, оказывается сплавомъ, и автору его принадлежитъ преимущественно распорядокъ данныхъ, добытыхъ или переданныхъ другими, объединеніе ихъ и претвореніе, при чемъ бываетъ возможно и творчество—не только въ формѣ, но и въ идеяхъ, движеніе ихъ впередъ. Современная наука признала въ поэзіи постоянное повтореніе извѣстныхъ мотивовъ, и заимствованіе таковыхъ уже не ставится въ укоръ поэтическимъ гениямъ. Поэтическіе замыслы и

произведенія первостепенныхъ поэтовъ, Данте, Шекспира, Мольера, Гёте (Фаустъ) имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ бродячія сказанія, но это не уменьшаетъ цѣны созданій этихъ поэтовъ; мы признаемъ оригинальность ихъ таланта в полное значеніе ихъ твореній.

Туже справедливость должно соблюдать и въ отношеніи къ произведеніямъ народной словесности.

Они отличаются отъ литературы искусственной, между прочимъ, тѣмъ, что различные отдѣльные мотивы подвергаются въ нихъ иной разъ не совсѣмъ строго логическому сплоченію, и соединеніе ихъ бываетъ не такъ продумано, не столь необходимо обусловлено, какъ въ произведеніяхъ индивидуальнаго творчества. Народное творчество лишено нерѣдко сознательнаго единства и полноты. Сліяніе различныхъ стихій происходитъ въ силу особыхъ наклонностей народнаго ума и особенностей народнаго міросозерцанія.

Зерно всякаго *былевого* эпоса—историческія сказанія. Если не всѣ, то большая часть былинъ возникаютъ непосредственно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстныхъ событій. Вспомнимъ относящійся сюда тезисъ Миклошича: „всякая героическая пѣсня, въ своихъ главныхъ чертахъ, современна воспѣваемому событію¹⁾“. Но, по общему закону народнаго творчества, историческая истина не можетъ уцѣлѣть въ чистотѣ въ былевомъ эпосѣ и подвергается переработкѣ, причемъ важное значеніе имѣетъ та среда, въ которой вращается эпосъ. Оттуда возвеличеніе крестьянства въ нашемъ былевомъ эпосѣ въ лицѣ Ильи и дочерей Микулы Селяниновича. Въ сильной степени на осложненіе первоначальнаго содержанія историческихъ пѣсенъ вліяютъ сложившіеся традиціонные мотивы народнаго творчества, какъ оказываютъ вліяніе установившіеся приемы и на литературное творчество. Вырываются частности, которыя становятся какъ бы матеріаломъ, красками и общими мѣстами народнаго творчества. Далѣе, историческое содержаніе поднадеваетъ вліянію всего содержанія народнаго міросозерцанія; въ эпосѣ народъ сосредоточиваетъ и хранитъ всѣ свои свѣдѣнія, это кладовая народныхъ знаній, въ которой находитъ мѣсто всякій новый добытокъ народнаго ума и фантазіи. Позднѣйшія инозем-

¹⁾ Въ западномъ эпосѣ есть много примѣровъ подобнаго возникновенія былевыхъ пѣсенъ.

ныя сказанія, перейдуть ли они путемъ устной передачи, или изъ книгъ, врастають въ народный былевой эпосъ и содѣйствуютъ, съ одной стороны, изукрашенію исторической истины, а съ другой искаженію ея. При этомъ видное значеніе имѣеть чисто внѣшняя ассоціація, иной разъ совершенно, на первый взглядъ, случайная. Въ данную пѣсню вносятся элементы другихъ, къ извѣстной личности приурочиваются повѣствованія, передававшіяся объ иныхъ¹⁾, сводятся рассказы, относившіеся первоначально къ различнымъ эпохамъ, по закону развитія эпическихъ цикловъ²⁾. Къ доисторической эпохѣ могутъ восходить только отдѣльныя частности, но никакъ не былевые сказанія въ ихъ цѣломъ, или даже въ цѣльныхъ отдѣлахъ. Необходимо помнить, что народныя сказанія не пребываютъ въ неизмѣнномъ состояніи, но постоянно терпятъ передѣлку и примѣненіе, первобытныя повѣствованія раздробляются и, наоборотъ, отдѣльныя частности ихъ сливаются въ новыя построенія. Первобытныхъ мифовъ мы не встрѣтимъ у народовъ, у которыхъ начинается былевой эпосъ.

Таковы стихіи, которыя сливаются обыкновенно въ былевомъ эпосѣ. Для правильнаго пониманія послѣдняго необходимо тщательно разграничивать ихъ и выдѣлять различные элементы смѣси. О. Э. Миллеръ первый указалъ вполне отчетливо на необходимость такого выдѣленія³⁾. Послѣ того наша научная литература обогатилась цѣлымъ рядомъ превосходныхъ попытокъ анализа различныхъ наслоеній нашихъ былинь.

¹⁾ Къ имени Вольги, напр., весьма легко могли привязаться позднѣе мотивы Александрія.

²⁾ Въ русскомъ былевомъ эпосѣ такую смѣсь признаеть Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи, ч. I, стр. 79.

³⁾ Заслуга книги О. Э. Миллера „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское“ заключается, далѣе, въ богатомъ накопленіи данныхъ для сравненія и въ выясненіи отличій духа нашего былеваго эпоса по сравненію съ эпическими сказаніями другихъ народовъ. Н. А. Лавровскій также отмѣтилъ необходимость „точного и научно доказательнаго выдѣленія многочисленныхъ наслоеній въ нашихъ былинахъ и такового же ихъ объясненія“ (стр. 237 статьи его „Замѣтка о текстѣ русскихъ былинь“, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ Историко-филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ“ за 1877 г.).

При такомъ выдѣленіи составныхъ частей былеваго эпоса, не должно упускать изъ виду исторической основы, которая, конечно, могла нерѣдко совсѣмъ затемняться и почти исчезать. Напротивъ, должно начинать именно съ нея ¹⁾. Слѣдуетъ при этомъ помнить, что первоначально возникали былины, воспѣвавшія отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныя событія. Подобныя пѣсенныя прославленія князей, отличавшихся подвигами военнаго мужества, были несомнѣнно въ обычаѣ въ древней Руси, какъ были они и на Западѣ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ встрѣчаемъ указаніе на „пѣснь старымъ княземъ“, свидѣтельствующее о процвѣтаніи исторической эпикѣ. Неизвѣстно только, насколько общенародной была эта эпика. Восхвалялись не только князья, но и витязи ²⁾. То было время богатырства. Подвиги „храбрыхъ“ отмѣчаютъ даже лѣтописи ³⁾; тѣмъ болѣе должна была помнить ихъ былевая пѣсня. И у насъ, какъ въ Германіи, выработалось понятіе воинской чести, которая добывалась одновременно со славою для князя. Приобрѣтенная честь могла воздаваться и въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ въ средѣ дружинниковъ ⁴⁾.

Былевой эпосъ долженъ былъ состоять изъ пѣсенъ двоякаго рода: о подвигахъ отдѣльныхъ витязей и объ общихъ предпріятіяхъ.

¹⁾ Совершенно справедливо замѣтилъ А. И. Кирпичниковъ (Поэмы Ломбардскаго цикла, Москва 1873 г., стр. 88), что „при разборѣ такъ называемаго историческаго эпоса, къ какой бы школѣ ни принадлежалъ изслѣдователь, онъ не можетъ игнорировать фактовъ и собственныхъ именъ“.

²⁾ О происхожденіи этого слова, которое было извѣстно Адаму Бременскому, см. соображенія въ ст. г. Великанова, помѣщенной въ „Филологическихъ Запискахъ“ 1880 г. Ср. мнѣніе Миклошича (Die Fremdwörter).

³⁾ Въ Никоновской лѣтописи уже подъ 1148 г. упоминается *богатырь* Демьянъ Куденевичъ (II. с. р. л. IX, 177—178); къ сожалѣнію, упоминаніе это поздне; соображенія о немъ см. въ „Исторіи Сѣверской Земли“ Багалѣя (Кіевъ 1882), стр. 209. Я не касаюсь здѣсь другихъ общеизвѣстныхъ упоминаній Никоновской лѣтописи о богатыряхъ Владимира и эпическихъ сказаній начальной лѣтописи.

⁴⁾ Ср. мѣста „Nibelungenlied“ объ ёге съ нѣкоторыми выраженіями „Слова о полку Игоревѣ“, Боана съ Фолькеромъ, который въ изданіи Барча (стр. 196) названъ „der starke spileman, Volkêr der herre“, а въ изданіи Царнке (4 Aufl., s. 30) „Volker der kûene der starke videlacre“.

Однѣ изъ этихъ пѣсенъ такъ и сохраняли свою отдѣльность; другія сводились постепенно въ одинъ цѣль, который началъ образовываться вокругъ Кіева и ласковаго князя Владимира; онѣ примыкали къ этому кругу неодновременно. Такое сведеніе отдѣльныхъ сагъ и легендъ отдѣльныхъ мѣстностей встрѣчаемъ въ нѣмецкомъ героическомъ эпосѣ (напр., въ Нибелунгахъ) и въ эпосѣ французскомъ; было оно и у насъ¹⁾. Сообразно всему сказанному, кругъ былинъ, какъ и всѣхъ народныхъ произведеній, нельзя разсматривать, какъ цѣльное произведеніе, сразу сложившееся; при изслѣдованіи былеваго эпоса, необходимо отправляться отъ него, не какъ отъ стройнаго цѣлаго, но отъ частныхъ эпизодовъ, и начинать съ анализа былинъ о каждой личности отдѣльно. Употребивъ въ дѣло всѣ средства историческаго анализа и отдѣливъ все, что относится къ общимъ приемамъ *нашего* былеваго творчества и былеваго эпоса вообще,—тогда только можно приступать къ опредѣленію позднѣйшихъ иноземныхъ элементовъ, которые были введены въ общее содержаніе былинъ неорганически.

Опредѣляя источники иноземныхъ примѣсей, необходимо искать ихъ прежде всего въ представленіяхъ и сказаніяхъ, вращавшихся въ томъ тѣсномъ кругу культуры, въ которому русскіе принадлежали наряду съ Византійцами, жителями Кавказа, южными славянами и Румынами²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо имѣть въ виду и другой путь притока къ намъ иноземныхъ сказаній—западный.

Какъ скоро не можетъ быть установлено на основаніи несомнѣнныхъ признаковъ такое ближайшее заимствованіе, или какъ скоро та или иная подробность составляетъ общее достояніе былинъ и вообще поэзіи различныхъ народовъ, распространеніе котораго не можетъ быть допущено въ историческое время, придется предположить существованіе ея и обращеніе въ болѣе раннее время.—Путемъ такой сложной работы будетъ указано отношеніе текстовъ и различныхъ пересказовъ и вмѣстѣ будетъ приведено въ распорядокъ все содержаніе былинъ.

¹⁾ На него указалъ отчасти уже О. И. Буслаевъ въ статьѣ о книгѣ г. Миллера, помѣщенной въ „Журн. Минист. Нар. Просв.“ 1871, № 4, стр. 238.

²⁾ Такой тезисъ выдвинулъ въ послѣднее время А. Н. Веселовскій. См. замѣчаніе его въ Отчетѣ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, помѣщенномъ во 2-й книжкѣ „Журн. Минист. Нар. Просв.“ настоящаго года.

Сводя къ одному все сказанное, мнѣ кажется, можно съ полнымъ правомъ стоять за несомнѣнно историческую основу былинъ, за то, что она должна быть точкой отправленія всѣхъ изслѣдованій о былевомъ эпосѣ, и принимать въ тоже время цѣлый рядъ послѣдовательныхъ переработокъ ея и разнородныхъ наслоеній, изъ которыхъ многія возникли подъ вліяніемъ общаго содержанія народнаго эпоса, наполнявшагося и связаніями книжными и иностранными.

Я желалъ бы теперь подтвердить эти общія соображенія примѣромъ анализа современныхъ былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси. Извѣстно содержаніе этихъ былинъ: Алеша—единое чадо соборнаго попа Ростовскаго. Испросивъ у отца благословеніе, онъ ѣдетъ съ Екимомъ Ивановичемъ во столичный Кіевъ градъ ко князю Владимиру. По дорогѣ онъ убиваетъ змѣя Тугарина и еще разъ сражается съ нимъ на пиру у Владимира. Онъ вступилъ въ братство названное съ Ильей и Добрыней, но не всегда ладить съ ними; особенно онъ обидѣлъ Добрыню, попытавшись жениться на женѣ брата, котораго постарался услатъ въ богатырскую поѣздку. Онъ же былъ виновникомъ и того, что витязи Владимира, отразивши встрѣченную ими силу несмѣтную басурманскую, послѣ гордаго вызова Алешей силы нездѣшной, не справились съ нею, и съ той поры перевелось богатырство на Руси. Эти былины въ особенности интересны съ точки зрѣнія историческаго объясненія нашихъ былевыхъ пѣсенъ и ярче другихъ разъясняютъ тольео что высказанныя соображенія. За ними можетъ быть признано особое методологическое значеніе. Разсматривая эти былины въ связи съ лѣтописными свидѣтельствами, можно ощутительно наглядно представить себѣ, какъ постепенно слагался нашъ былевой эпосъ. Даже завзятые мнѣологи не могли подыскать Алешѣ мифическій первообразъ¹⁾. Съ другой сто-

¹⁾ О. Э. Миллеръ ограничился лишь предположеніемъ, что въ Алешѣ скрывается сила первоначально враждебная, „можетъ быть соотвѣтственная той, какую представляетъ въ сонмѣ сѣверныхъ боговъ враждебный Локви“. И. Муромецъ, стр. 315. Г. Квашнинъ-Самаринъ ставитъ вопросъ, не играетъ ли въ имени Алеши роль славянское имя собственное Лешко или Ляшко, которое „восходитъ къ языческимъ временамъ“. Н. И. Костомаровъ называетъ Алешу просто „лицомъ преданія, лицомъ, мифическимъ, прилагаемымъ къ разнымъ временамъ“.

роны, объ Алешѣ сохранились весьма раннія упоминанія. Ему по-счастливилось въ этомъ случаѣ болѣе другихъ богатырей: его имя встрѣчается въ цѣломъ рядѣ лѣтописей и лѣтописныхъ сводовъ. Это богатырь, постепенное видоизмѣненіе пѣсенъ, о которомъ можно прослѣдить хоть сколько-нибудь. Историческое существованіе Алеши Поповича (такъ былъ переименованъ потомъ лѣтописный Александръ Поповичъ¹⁾) въ высшей степени вѣроятно, хотя не можетъ быть подтверждено современными ему извѣстіями, каковыя, напр., имѣются о Добрынѣ, Славѣ, Садеѣ, вслѣдствіе чего его отрицаетъ Д. И. Иловайскій²⁾. Можно видѣть, какъ постепенно выработывался поэтический образъ Алеши и вмѣстѣ, какъ возникалъ весь Владимировъ циклъ.— Въ самой тѣсной генетической связи съ былинами объ Алешѣ должны быть поставлены былины о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси: и тѣ и другія возникли одновременно. Былины о гибели богатырей представляютъ весьма наглядный примѣръ того, какъ можетъ историческая дѣйствительность скрываться подъ обманчивую наружность фантастическаго сказанія, и вообще предъ нами откроется весьма занимательная картина.—Излагая исторію былинъ объ Алешѣ Поповичѣ и о кончинѣ богатырей, я далеко отъ притязанія на полную оригинальность и новизну добытыхъ мною результатовъ: мнѣ пришлось во многихъ случаяхъ прійти къ выводамъ, до которыхъ доходили мои почтенные предшественники въ разсмотрѣніи этого вопроса³⁾. Но мнѣ показался нелишнимъ новый пересмотръ его. Онъ не былъ еще затронутъ во всей его полнотѣ, и, кажется, еще не были представлены вполне отчетливо всѣ моменты развитія былинъ объ Алешѣ, не были

¹⁾ Тождество лѣтописнаго Александра Поповича и былиннаго Алеши Поповича несомнѣнно. На это указалъ Л. Н. Майковъ, и его мнѣніе принято другими учеными, напр. О. Э. Миллеромъ. Обоснованіе такого отождествленія см. ниже.

²⁾ Исторія Россіи, ч. I, М. 1876, стр. 79.

³⁾ Историческое существованіе Александра Поповича признаютъ: Л. Н. Майковъ, Д. А. Корсаковъ и г. Квашнинъ-Самаринъ. Что былины о гибели богатырей повѣствуютъ о Калкскомъ побоищѣ, думаетъ Квашнинъ-Самаринъ и, повидимому, къ тому склоняется теперь О. Э. Миллеръ. Н. И. Костомарову принадлежитъ подробный анализъ лѣтописныхъ сказаній объ Алешѣ. Общаго хода развитія былинъ объ Алешѣ касался И. В. Ягичъ въ своемъ изслѣдованіи о народной славянской поэзи.

обстоятельно и надлежаще-критически разобраны всѣ мѣста лѣтописей о немъ, не выяснено взаимное отношеніе ихъ; не были, далѣе, собраны въ значительномъ количествѣ и сравнительныя данныя, объясняющія мноическую часть названныхъ былинъ и нѣкоторые ихъ эпизоды; наконецъ, не были извлечены всѣ возможные выводы. При томъ въ наукѣ важна прежде не новизна взглядовъ, а установленіе прочныхъ доказательствъ и строго научное обоснованіе мнѣній, хотя бы и высказанныхъ прежде.

Начиная съ древнѣйшихъ изводовъ сказаній объ Алешѣ, мы должны обратиться прежде всего не къ былинамъ, которыя дошли до насъ въ позднихъ записяхъ, а къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, которыя почти цѣликомъ являются отголоскомъ древнѣйшихъ былинъ.

Посмотримъ же, что даютъ лѣтописи для выясненія генезиса былинъ объ Алешѣ и для исторіи этихъ пѣсенъ до XVII-го столѣтія.

Сообщенія лѣтописей объ Александрѣ Поповичѣ могутъ быть названы драгоцѣнными при скудости историческихъ свидѣтельствъ, по которымъ можно было бы возсоздать развитіе нашего былевого эпоса, какъ то можно сдѣлать по даннымъ, собраннымъ Вильгельмомъ Гриммомъ для нѣмецкаго эпоса.

Извѣстія лѣтописей объ Александрѣ Поповичѣ не совсѣмъ сходны, иногда они даже прямо противорѣчатъ другъ другу, а одинъ вариантъ занимаетъ какъ бы срединное положеніе.

Интересно, что Александръ названъ впервые въ чисто мѣстныхъ сѣверо-восточныхъ лѣтописяхъ.

Первое упоминаніе объ Александрѣ находимъ въ такъ называемомъ Академическомъ спискѣ Суздальской лѣтописи, рукопись которой относится къ XV-му столѣтію. Тамъ читаемъ въ повѣствованіи о Калескомъ побойцѣ: „и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ“¹⁾. Слѣдовательно, по сказанію этой лѣтописи, Александръ Поповичъ жилъ въ XIII столѣтіи и принадлежалъ къ „храбрымъ“, которые выдѣлялись изъ ряда остальныхъ ополченій, составляли какъ бы особую дружину и *поибли на Калкѣ*. Въ приведенномъ мѣстѣ лѣтописи этой дружинѣ усвоено древнее названіе „храбрыхъ“, между тѣмъ какъ въ послѣдующее время, съ XIV-го вѣка, вошло въ упо-

¹⁾ Лѣтоп. по Лаврент. сп., стр. 482.

употребленіе другое слово для обозначенія подобныхъ храбрецовъ—*богатырь*, *битъ можетъ*—подъ вліяніемъ татаръ¹⁾. Это обстоятельство можетъ быть признано хотя въ нѣкоторой степени свидѣтельствующимъ въ пользу древности приведеннаго извѣстія. Въспѣтъ съ тѣмъ можно думать, что это послѣднее было внесено въ сказаніе о Калескомъ побойцѣ не при составленіи его, но нѣсколько времени спустя, и было заимство-

¹⁾ У татаръ это слово было въ большомъ употребленіи. См. Hammer Purgstall'я Geschichte der Goldenen Horde. Галицко-волинская лѣтопись XIII-го в. употребляла слово *богатырь* при обозначеніи именъ *татарскихъ* вождей (Ип. 522 и 528). Въ одномъ мѣстѣ это слово употреблено въ качествѣ собственнаго имени одного татарскаго предводителя: подѣ 1262 г. лѣтопись говоритъ, что Василько опустошалъ Литву съ *богатыремъ* (Ип. 565). Карамзинъ и Sjögren разумѣли подѣ Богатыремъ Бурондая. Изъ этой формы очевидно, что русскіе могли передѣлать татарское имя по образцу готоваго слова, бывшаго въ употребленіи. Можетъ быть также, что они встрѣчались съ этимъ словомъ уже у Половцевъ, въ словарѣ которыхъ находимъ *bahatur*. Румянское *bahatur* обозначало *potentem*. По мнѣнію издателя словаря, Куин'а, это слово „ex mongolico baghator depromptum est“ (Сод. Сипа-нискан 1880, р. XXXVIII).—Какъ извѣстно, существуетъ разногласіе относительно происхожденія нашего слова *богатырь*: одни приписываютъ ему арійское происхожденіе, другіе—тюрское.—Въ параллель упоминаніямъ галицко-волинской лѣтописи можно поставить нѣсколько подобныхъ другихъ. Въ Архангелогородской лѣтописи подѣ 6770 г. (1262) встрѣчаемъ разсказъ объ „ясацинѣхъ Бугѣ богатырѣхъ“ (Москва 1781 г., стр. 59). Повидимому, лѣтописецъ передалъ мѣстное Устюжское преданіе. Разсказъ объ основаніи церкви на Соколей горѣ заключаетъ въ себѣ довольно распространенный эпическій мотивъ. Интересно, что и въ повѣсти о разореніи Рязани Батынемъ говорится объ Евпатіи: „И многихъ тутъ нарочитыхъ богатырей Батыневыхъ побилъ“. Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки, прилож. къ XI-му тому Зап. Имп. Ак. Н., № 2, Спб. 1867, стр. 87. Батый говоритъ тамъ: „да многихъ (нарочитыхъ) богатырей сильной орды побилъ еси“ (тамъ-же, 88). Послѣ XIII-го столѣтія слово богатырь встрѣчается нерѣдко въ историческихъ памятникахъ. Въ лѣтописяхъ подѣ 6932 г. читаемъ: „тогдажь убили Ногаю богатыра великомъ тѣломъ“. Хронографъ 1-й редакціи, перечисляя погибшихъ въ Куликовской битвѣ, говоритъ: „сними-же Александръ Пресвѣтъ и Чернецъ Ослябя *богатыри*, и нивѣхъ множество бесчислено, а тамо оу нихъ же баше *богатырь* же былъ татаринъ, его же уби

важно изъ народныхъ сказаній. Извѣстіе объ Александрѣ и 70 богатыряхъ едвали можетъ считаться строго историческимъ свидѣтельствомъ. Оно стоитъ въ Суздальскомъ сводѣ лѣтописей особнякомъ, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ разсказомъ, и не поясняетъ, кто былъ Александръ: этотъ послѣдній представляется какъ бы лицомъ извѣстнымъ. Изъ словъ лѣтописи можно вывести только, что онъ былъ изъ числа тѣхъ особенныхъ „храбрыхъ“, которые выдѣлялись чѣмъ-то изъ прочаго ополченія и гибель которыхъ была замѣчена. 70 храбрыхъ—дружина богатырей въ родѣ той, какая является въ былинахъ. Самое число 70 указываетъ на приемы народного эпоса: число 7 и производныя отъ него принадлежатъ въ излюбленнымъ числамъ народного эпоса¹⁾, и въ былинѣ о томъ, какъ цоревелись богатыри на святой Руси, выведены 7 богатырей Владимира. Болѣе древній изводъ сказанія о Калекскомъ побоищѣ въ галицко-волынскій лѣтописи не говоритъ ничего объ Алешѣ и его товарищахъ. Слѣдовательно, объ Алешѣ не говорили въ мѣстѣ составленія сказанія, или авторъ его не интересовался подвигами сѣверянца. Это понятное Александръ, какъ Ростовецъ, былъ особенно дорогъ своимъ землякамъ, и упоминаніе о немъ могло войти раньше всего въ Ростовскую лѣтопись. Къ сожалѣнію, Ростовскія лѣтописи не дошли до насъ въ первоначальномъ видѣ, и мы не можемъ настаивать на томъ, что Академическій списокъ заимствовалъ именно изъ этихъ лѣтописей упоминаніе объ Александрѣ, хотя составитель пользовался Ростовскою лѣтописью. Во всякомъ случаѣ, откуда бы ни было взято это упоминаніе, оно основ-

Осляба, да и самъ отъ его ранъ умре“. А. Поповъ, Обзоръ хронограф., вып. I, 205. Лѣтопись, изданная Н. Львовымъ, II (Сиб. 1792 г.), стр. 165: „а богатырь былъ у Мамаи Бидичъ“.—Въ XV-мъ столѣтіи еще не мнновали богатырскій вѣкъ на Руси. Подъ 1435 г. читаемъ въ Софійскомъ временникѣ: „Тогда убили Коша богатыря велика тѣломъ“ (изд. Строева стр. 456). Въ половинѣ XVI-го стол. у Черемисъ упоминается Адытекъ богатырь.—Неизвѣстно точно, когда слово богатырь вошло въ нашъ эпосъ. Въ лѣтописи по сп. Лаврент., при описаніи битвы, подъ 1263 г., говорится: „Здѣ же явишася 6 мужъ *храбрыхъ*“ (стр. 456). Выраженіе „храбрый“ встрѣчаемъ и въ разсказѣ объ убіеніи Юрія Всеволодовича Базмемъ.

¹⁾ См., напр., Kulturgeschichtliche Studien von Johannes Blochwitz, Leipzig. 1882, статья: „Sieben“.

валось на народномъ преданіи. Въ XV-мъ столѣтіи, въ которому относится Академическій списокъ, не было другаго повода приурочить Александра къ Калеской битвѣ и упомянуть о гибели его тамъ, кромѣ того, что участникомъ Калескаго боя представляло Александра народное преданіе, которое говорило вмѣстѣ съ тѣмъ о гибели 70 богатырей. Это преданіе видимо обращалось въ Суздальской землѣ и выдающимся дѣяніемъ Александра считало участіе его въ Калескомъ побойщѣ. Быть можетъ, названіе Калки явственно значилось въ преданіи, если лѣтопись признала возможнымъ такъ опредѣленно отмѣтить время гибели Александра. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ возможности существованія такого преданія: вѣдь было же сказаніе о Рязанскомъ богатырѣ Еватинѣ Коловратѣ.

Любопытно, что, по разсказу Іордана, который былъ viceminister францисканцевъ въ Чехіи и современникъ татарскаго нашествія, татарами были убиты въ Россіи въ 1241 г. 72 князя¹⁾. Это число интересно, если сопоставить его съ 70 богатырями, убитыми на Калкѣ. Не отразился ли въ извѣстіи Іордана слухъ о Калескомъ побойщѣ? Еслибы было такъ, то мы имѣли бы весьма раннее свидѣтельство о существованіи связанія о гибели на Калкѣ.

Въ томъ же видѣ²⁾, въ какомъ включено въ Суздальскій лѣтописный сводъ, или съ прибавками³⁾ древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ упоминаній объ Александрѣ Поповичѣ вошло въ другія мѣстные лѣтописи, или въ позднѣйшіе лѣтописные своды.

¹⁾ „...et in Ruscia *septuaginta* et duos principes pertransierunt“. Erben, Regesta, 485 (заимствовано изъ Матѳея Парижскаго Hist. Angliae Additam). На Западѣ быстро распространилась вѣсть о 1-мъ нашествіи татаръ. См. ст. г. Кунива въ Ученыхъ Запискахъ Имп. Ак. Н. по 1 и 3 отд., т. II. (Спб. 1854) стр. 760.

²⁾ Новгород. IV (П. с. л. IV, 28).—Тверская лѣт. П. с. р. л. XV, 342.—Лѣтописецъ Руской, изд. Н. Львовымъ, ч. I, Спб. 1792, стр. 397. Степенная лѣт. Лѣтопись по списку Типографской Библиотеки (Кирѣевскій. II, XIX).

³⁾ Архангелогородская лѣтопись (Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Россійскую Исторію отъ ⁶³⁶⁰/₈₃₂ до ⁷¹⁰⁶/₁₅₉₈ года, Москва 1781) подъ 6731 г.: „Тогда убиша Александра Поповича и съ Торопомъ, и иныхъ такихже богатырей многихъ“ (стр. 55). Торопъ взятъ изъ извѣстія, стоящаго выше въ той же лѣтописи, подъ 6725 г.—Царственный лѣтописецъ (Спб. 1772 г.),

Существуетъ, даже, въ лѣтописяхъ и позднѣйшихъ сводахъ отрывочное упоминаніе о томъ, что Александръ Поповичъ, предварительно гибели на Калкѣ, служилъ вмѣстѣ съ Добрынею князю Константину Всеволодовичу Ростовскому и помогъ ему въ боѣ съ братомъ его Юріемъ, и, такимъ образомъ, объ Александрѣ передается біографическая подробность¹⁾. Источникъ ея могъ быть двойной: упоминаніе о Добрынѣ, если только первоначально не разумѣлся Тимоня, названный въ лѣтописномъ сводѣ, наименованномъ Тверскою лѣтописью, какъ бы указываетъ на былины: въ былинахъ Алеша ставится въ тѣсную связь съ Добрынею, и при немъ также есть слуга; но, съ другой стороны, могла быть отрывочная лѣтописная запись, въ которую потомъ было вставлено имя Добрыни; ее зналъ составитель такъ наз. Тверской лѣтописи и воспользовался ею. Быть можетъ, эта запись относилась къ участію Александра въ битвѣ на Авловой горѣ (1216 г.).

стр. 98: „Убиша же на томъ бою и Александра Поповича и съ слугою его Торопомъ и Добрыню Разанича златоа пояса, и седмдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей“; Никон. лѣтопись, II, 354.—Воскресенская (II. с. р. л. VII, 132). Хронографъ: изборникъ Попова, 38. Соф.

¹⁾ Хронографъ 1-й редакціи, составленный, по мѣтвѣ Попова, въ 1512 г., стр. 195: „В лѣто ~~хрѣ~~ѣ (1217) бысть бой князю Юрию Всеволодовичу со княземъ Константиномъ Ростовскимъ на рецѣ на Гдѣ и поможе Богъ Константину Всеволодовичу брату. а правда его же пришла и было со княземъ Константиномъ два храбра. Добрыня златни поясъ, да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ“. А. Поповъ, Обзоръ хроногр. русск. ред., вып. 1, М. 1866, стр. 196. Почти буквально тоже читаемъ въ Архангелогородской лѣтописи подъ 6725 г., но въ этой послѣдней замѣтно нѣкоторое подновленіе языка: вмѣсто „два храбра“ читаемъ „два богатыря“: *Весьма сходенъ* рассказъ, занесенный въ повѣсть объ Александрѣ Поповичѣ въ Тверской лѣтописи безъ означенія года (II. с. р. л. XV, 337), но есть въ немъ и нѣкоторыя существенныя отличія: вмѣсто Добрыни Златоа Пояса названъ „Тимоня Золотой Поясъ“; о Константиנѣ говорится, что онъ побѣдилъ „молитвами Пречистыя, своею правдою и тѣми же храбрыми“... а въ хронографѣ встрѣчаемъ какъ бы эпическое выраженіе: „а правда его же пришла“. Повидимому, приведенное извѣстіе относится къ 1216 г.: ср. въ Тверской лѣтописи подъ тѣмъ годомъ (стр. 323) и въ Никоновской (II, 323), въ которой при именахъ Александра и Добрыни стоитъ эпитетъ „славныя богатыри“.

Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ встрѣчаемъ новую подробность: Александръ, который „бѣ силепъ и славенъ богатырь“, чуть-было не убилъ Мстислава и остановился только тогда, когда тотъ назвалъ себя. „И рече ему Поповичъ: „то ты не дерзай, но стой и смотри. Егда убо ты глава убиенъ будеши, вамо другимъ дѣти ¹⁾“. Кажется, должно признать въ этомъ случаѣ несообразность: трудно предположить, чтобы Александръ, одинъ изъ самыхъ видныхъ дружинниковъ Константина, не зналъ Мстислава, его союзника, да и наставленіе, преподанное Мстиславу, нѣсколько странно.—Невозможно рѣшить, заимствованъ ли этотъ рассказъ изъ древняго лѣтописнаго сказанія (эпическихъ подробностей не видно), или же присоединенъ позднѣе. Въ первомъ случаѣ онъ указывалъ бы на не дошедшій списокъ лѣтописи, или на одно изъ тѣхъ „описаній“, на которыя ссылался составитель такъ наз. Тверской лѣтописи (см. ниже), и которыя не всѣ были ему извѣстны, потому что онъ не передаетъ только что приведеннаго эпизода.

Въ высшей степени важна цѣльная повѣсть объ Александрѣ, занесенная въ лѣтописный сборникъ, носящій названіе Тверской лѣтописи и составленный въ 1534 году. Эта повѣсть подтверждаетъ выводъ, сдѣланный изъ разсмотрѣнія извѣстія Суздальскаго свода лѣтописей объ Александрѣ подъ 1224 г., именно,—что въ Суздальской землѣ обращались *народныя* преданія объ Александрѣ Поповичѣ (онъ же и „Олешка“), приурочивавшія его къ началу XIII-го вѣка. Изъ Тверской лѣтописи видно также, что на основаніи народныхъ сказаній и лѣтописныхъ извѣстій въ Ростовской землѣ были составлены письменныя повѣсти объ Александрѣ. Составитель сборника ссылается на найденныя имъ сказанія, которыя онъ называетъ „описаніями“ ²⁾. Неизвѣстно, были ли они включены въ лѣтописи, или же переписывались отдѣльно, но ихъ могло быть нѣсколько, и могли быть они написаны до 1512 г., когда былъ составленъ хронографъ 1 ой редакціи, передающій одно изъ извѣстій, внесенныхъ въ Тверскую лѣтопись. Повидимому, сказанія объ Александрѣ были составлены именно въ Ростовской землѣ ³⁾.

¹⁾ Никон. лѣт. II, 330—331.

²⁾ П. с. р. л. XV, 335.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1876, № 12, ст. г. Тихомирова: „О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью“, стр. 270—271. Д. А. Корсаковъ, Меря и Ростовское княжество, Казань 1872, стр. 232.

Повѣсть объ Александрѣ Поповичѣ въ Тверской лѣтописи отличается цѣльностію и видимо представляетъ сводъ нѣсколькихъ данныхъ. Весьма важно опредѣлить источники ея. Она вставлена подъ 1224 годомъ, но передаетъ исторію Александра начиная съ княженія Всеволода и рассказываетъ затѣмъ объ участіи нашего витязя въ междоусобицѣ Всеволодовичей. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ необходимо, быть можетъ, предположить заимствование изъ лѣтописей или древнихъ письменныхъ сказаній¹⁾. Конечно, у книжника могла явиться охота приурочивать къ имени былиннаго Александра битвы, участіе въ которыхъ не могло быть доказано древними свидѣтельствами. Но въ такомъ случаѣ предварительно долженъ былъ быть какой-нибудь поводъ къ тому въ народныхъ преданіяхъ: они должны были сообщать что-нибудь о богатырскихъ подвигахъ Александра въ защиту Ростова, который дорожилъ своимъ старѣйшинствомъ и потому могъ тщательно сохранять преданія о своихъ славныхъ защитникахъ. И дѣйствительно, нельзя не замѣтить въ повѣствованіи Тверской лѣтописи, наряду съ книжными извѣстіями, слѣдовъ Ростовскихъ *народныхъ* сказаній, запись которыхъ вполне понятна, если вспомнимъ, что составителемъ этого сборника былъ Ростовскій селянинъ, а Александръ также считался Ростовцемъ²⁾. Въ сказаніи объ Александрѣ читаемъ о могилѣ воиновъ Юрія Всеволодовича, убитыхъ Александромъ: „Александръ же выходя многи люди великаго князя Юрія избиваше, ихже костей накладыны могилы велики и *донинѣ* на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Уси.... а иніи побіени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узѣ³⁾“. Александръ „вскорѣ смисливъ посылаетъ своего слугу, ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ

¹⁾ Изъ лѣтописей могли быть взяты точныя историческія подробности и частности, напр.,—о томъ, что въ бою на рѣкѣ Гзѣ „убиша у великаго князя храбраго Юрлту“. Вообще въ подробностяхъ нѣтъ анахронизмовъ.— Составитель сборника пользовался Суздальскою лѣтописью (ст. г. Тихомирова, стр. 265 и 266) и *не дошедшими до насъ Ростовскими лѣтописями* (тамъ-же, стр. 285). О Ростовскихъ лѣтописяхъ см. у Корсакова стр. 162, 230—231. Ростовская лѣтопись первой половины XIII стол. была ведена, по мнѣнію Д. А. Корсакова, современниками.

²⁾ Только немногія былины выводятъ Алешу изъ Рязани.

³⁾ П. с. р. л. XV, 337.

итъ въ себѣ въ городѣ, обрѣтъ подѣ Грѣячимъ колодезь на рѣцѣ Рдѣ, нае я нима той солъ (насыпъ) стоить пустъ¹⁾". Мы видимъ, что лѣтописецъ, передавая сказанія объ Александрѣ, дѣлалъ собственныя выкладки, что имя Александра было приурочиваемо въ нѣсколькимъ мѣстностямъ Суздальской земли. Мы не можемъ предположить въ послѣднемъ случаѣ подлогъ, можемъ вѣрять вполнѣ ссылкамъ автора на рассказы, ходившіе въ это время, не можемъ слѣдовательно усомниться въ народномъ происхожденіи переданныхъ имъ легендъ. Вопросъ можетъ быть только о томъ, насколько довѣрять преданіямъ? Въ исторіи былевыхъ и романтическихъ цикловъ извѣстно немало примѣровъ подобнаго приурочиванія именъ дѣйствительныхъ и небывалыхъ героев къ различнымъ мѣстностямъ. Иной разъ подобныя мѣстныя легенды возникаютъ въ позднѣйшее время подѣ влияніемъ популярности извѣстнаго героя и какого-нибудь повода къ такому приуроченію. Извѣстенъ у насъ цѣлый рядъ такихъ легендъ объ Ольгѣ. Не такъ было, можно думать, въ настоящемъ случаѣ. Здѣсь приуроченіе вело начало, по всей вѣроятности, съ XIII-го столѣтія. Эти легенды не могли возникнуть въ извѣстномъ пути, потому что древнѣйшія лѣтописи не говорили подробно объ Александрѣ и сказанія о немъ были составлены по народнымъ рассказамъ. Само собою разумѣется, нельзя думать, что всѣ эти преданія были справедливы, что они указывали мѣста дѣйствительныхъ подвиговъ Александра. Эти сказанія видимо получили въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже эпитетическую окраску въ тотъ моментъ, когда по нимъ была составлена повѣсть объ Александрѣ: иначе какимъ образомъ въ народѣ могла держаться такъ долго память о мѣстѣ совѣщанія Александра съ другими „храбрыми“ и рѣшенія отправиться на службу къ Кіевскому князю? Самый фактъ не возбуждаетъ сомнѣнія: отъѣздъ существовалъ и въ позднѣйшее время, тѣмъ легче могъ случиться до татарскаго нашествія. Замѣчательна и выдающаяся роль, какая усвоилась Александрѣ въ преданіяхъ о бояхъ ратей Константина и Юрія; нельзя не замѣтить преувеличенія: на Александра видимо были перенесены подвиги, имъ не совершенныя, иначе всѣ современныя Александрѣ лѣтописи или большинство ихъ отмѣтили бы его замѣчательную храбрость, рѣшавшую исходъ битвъ.

¹⁾ II. стр. л. XV, 338.

Алену должно считать потому витяземъ, поразившимъ народное воображеніе, но не настолько выдававшимся, чтобы обратить на себя вниманіе лѣтописцевъ. Таковъ бываетъ нередко въ народной поэзіи: народъ примется иной разъ за пѣсенное прославленіе лица, имя котораго не пользуется громкою извѣстностью въ документальной исторіи.

Замѣчательна еще одна подробность въ сказаніи Тверской лѣтописи объ Александрѣ Поповичѣ. По смерти князя Константина, Александръ посылалъ на совѣщаніе другихъ богатырей; рѣшено было оставить службу удѣльнымъ князьямъ, „повеже княземъ въ Руси велико неустроеніе и части боеве; тогда же радъ положивше, яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ“. Этотъ рассказъ приобретаетъ особую важность, если сопоставить его съ Мезенскою былинною, изданною г. Ефименкомъ, по которой Алеша отправился въ Кіевъ съ Ростовскою дружиною своего отца, освободилъ Кіевъ отъ Василя Прекраснаго и тогда только „поназванялся“ съ Ильей Муромцомъ и Добрыней¹⁾. Совпаденія, замѣчаемыя въ лѣтописномъ рассказѣ и былинѣ, указываютъ на единство источниковъ. Вѣроятнѣе предположить, что составитель повѣсти зналъ былинну объ Александрѣ, а не наоборотъ, т. е. что былина составлена на основаніи лѣтописи. Если справедливо первое предположеніе, то получается весьма важный выводъ: *Ростовскія* былины объ Александрѣ Поповичѣ были извѣстны составителю повѣсти о немъ и говорили о пріѣздѣ Александра въ Кіевъ, гдѣ онъ оказался захваченъ богатыремъ, а не давнимъ членомъ богатырской дружины; тотчасъ Алешѣ по пріѣздѣ въ Кіеву пришлось сражаться съ врагами, подступившими къ городу. Подъ послѣдними былина могла разумѣть татаръ. Рассказъ Тверской лѣтописи разъясняетъ путь перехода Алеши въ цѣль Кіевскихъ былинъ. При обычномъ стремленіи былевого эпоса къ объединенію, легко могъ быть сдѣланъ въ былинахъ объ Александрѣ шагъ впередъ: *кратковременность* пребыванія Александра въ Кіевѣ была постепенно забыта, утрачены были и пѣсенныя воспоминанія о подвигахъ Александра въ Ростовской землѣ, и его представили постояннымъ какъ бы богатыремъ Кіевского князя, а такъ какъ былевой эпосъ

¹⁾ Труды этнографическаго отдѣла Импер. Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при Московскомъ Университетѣ, кн. V, вып. II, М. 1878, стр. 25—32.

не зналъ другаго князя кромѣ Владимира, то Александръ превратился, наконецъ, въ одного изъ дружинниковъ Владимира.

Отсюда-то, вѣроятно, двоякія извѣстія объ Александрѣ Поповичѣ въ Никоновской лѣтописи: Александръ Поповичъ упоминается въ ней и при Владимирѣ I, и въ началѣ XIII-го столѣтія. На этомъ основаніи г. Квашнинъ-Самаринъ предположилъ, что Александра Поповича, Ростовскаго богатыря XIII-го столѣтія, должно отличать отъ богатыря, о которомъ говоритъ Никоновская лѣтопись¹⁾. Но существованіе Александра Поповича при Владимирѣ въ высшей степени сомнительно: о такомъ богатырѣ упомянули бы древнѣйшія лѣтописи, тѣмъ болѣе, что тогда имъ пришлось бы назвать лицо, весьма извѣстное народному былевому эпосу, да и рассказъ Никоновской лѣтописи невѣроятенъ, какъ то доказалъ Н. И. Костомаровъ. Притомъ въ лѣтописныхъ сводахъ встрѣчаемъ нерѣдко отнесеніе извѣстій объ одномъ лицѣ къ нѣсколькимъ. Правильнѣе будетъ думать, что, говоря объ Александрѣ при описаніи событій XIII-го столѣтія, авторъ Никоновской лѣтописи переписалъ извѣстія, встрѣченныя въ болѣе древнихъ лѣтописяхъ, а Александра, какъ богатыря Владимира, заимствовалъ изъ былины²⁾. Говоря о княженіи Владимира, Никоновская лѣтопись приписываетъ Александру вмѣстѣ съ Усмошведомъ двѣ побѣды надъ Печенѣгами и одну надъ *Половцами*. По мнѣнію Н. И. Костомарова³⁾, „событія, въ которыхъ, по Никоновскому списку, участвуетъ Александръ Поповичъ, вымышлены книжникомъ“. Но извѣстіе о разбитіи Половцевъ, какъ на то указалъ затѣмъ и самъ Н. И. Костомаровъ, представляетъ интересъ, если сопоставить его съ былинами о борьбѣ Алеши съ Тугариномъ, въ которомъ видятъ Тугоркана, половецкаго хана⁴⁾. Не было ли въ источникахъ, по которымъ составлено

¹⁾ Русскій Вѣстникъ 1874, № 10, стр. 786.

²⁾ За это послѣднее предположеніе стоятъ многіе. Напр., Н. И. Костомаровъ думаетъ, что извѣстія о подвигахъ Александра включены въ рассказъ о Владимирѣ потому, что „уже существовалъ въ народномъ преданіи образъ богатыря временъ Владимира подъ такимъ названіемъ“. Историч. монографіи и изслѣд., т. XIII, стр. 204.

³⁾ Ист. моногр. и изслѣд., XIII, 205.

⁴⁾ Если уцѣлѣли на югѣ сказанія о Бонякѣ, то почему бы не остаться въ эпосѣ и имени Тугоркана?—Интересно, что существуютъ мѣстныя на-

повѣствованіе Никоновской лѣтописи, т. е. въ былинахъ того времени, упоминаній о борьбѣ богатырей съ Печенѣгами и Половцами? Когда Алеша былъ включенъ во Владимировъ циклъ, то и ему стали усвоить побѣды надъ кочевниками, подобно другимъ богатырямъ¹⁾).

Раздвоя извѣстія объ Александрѣ и раздѣляя ихъ промежуткомъ въ два столѣтія, называя Александра *богатыремъ* Владимира, Никоновская лѣтопись вводитъ насъ въ представленіе нынѣшнихъ былинъ, приурочивающихъ Алешу ко времени Владимира и ко временамъ татарщины, и указываетъ въ тоже время на связь былиннаго героя съ личностію, которая, по древнимъ лѣтописямъ, жила въ XIII стол. Первоначально былины объ Алешѣ не выставляли его постояннымъ богатыремъ Владимира, но потомъ въ нихъ могло явиться колебаніе: однѣ продолжали изображать Алешу мѣстнымъ Ростовскимъ богатыремъ XIII-го столѣтія, а другія включали его уже въ составъ богатырской дружины Владимира. Во всѣхъ лѣтописяхъ до Никоновской отразилось преимущественно первое представленіе, хотя встрѣчаются и намеки на связь Алешы съ Добрынею, въ Никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ встрѣчаемъ отголоски того и другаго извода.

Мезенская былина про поѣзду Алешы въ Кіевъ устраняетъ предположеніе о томъ, что разсказъ Тверской лѣтописи о рѣшеніи Александра Поповича и остальныхъ храбрыхъ служить Кіевскому князю *придуманъ* для объясненія участія ихъ въ Калкскомъ побоищѣ: это сказаніе вело начало изстари и издавна обращалось въ народѣ; на то указываетъ и ссылка лѣтописи на „сопъ“.

Мы разобрали всѣ лѣтописныя свидѣльства объ Александрѣ Поповичѣ. Разсмотрѣніе ихъ приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. Въ XIII—XVI столѣтіяхъ въ Суздальской землѣ и преимущественно въ Ростовѣ обращались *народныя* эпическія (пѣсенныя и прозаическія²⁾) сказанія о Ростовскомъ „храбромъ“ первой четверти XIII в.—

званія, напоминающія Тугарина, напр. *Тугариново* въ Новгородской губерніи. Колосовъ, Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія. Спб. 1876, стр. 28.

1) Ср. ниже иное объясненіе извѣстія Никоновской лѣтописи.

2) Пѣсню можно предположить въ основѣ сказанія о совѣщаніи Александра съ другими „храбрыми“ и о рѣшеніи ихъ отправиться въ Кіевъ. Напоминаетъ былины и лѣтописное извѣстіе о гибели *дружины семидесяти*

Александръ Поповичъ. Эти сказанія представляли Александра мѣстнымъ удалцомъ, стоявшимъ во главѣ цѣлой дружины храбрыхъ ¹⁾. Онъ былъ извѣстенъ подвигами личнаго мужества, какъ выдающійся дружинникъ Ростовскаго князя. Имя Александра было приурочено къ могильнымъ пасошнямъ въ различныхъ мѣстахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Суздальскія преданія считали важнымъ подвигомъ Александра участие въ Калеской битвѣ и гибель за общерусское дѣло въ сонмѣ храброй дружины, съ которою раньше онъ отправился на югъ служить Киевскому князю. То былъ единственный не мѣстный подвигъ Александра.—Популярность его имени и народныя преданія подали поводъ къ занесенію имени Александра въ Суздальскія лѣтописи. Невозможно опредѣлить, когда это случилось впервые, тотчасъ ли, вскорѣ ли послѣ Калескаго боя, или же позднѣе. Нѣкоторыя извѣстія объ Александрѣ могли явиться въ лѣтописяхъ не позже 1224 г. Во всякомъ случаѣ въ XV-мъ столѣтіи, къ которому относится Академическій списокъ, въ Суздальской землѣ держалось еще отчетливое преданіе о гибели цѣлой дружины Суздальскихъ богатырей на *Камѣ*, и, слѣдовательно, они не отождествлялись еще съ богатырями Владимира. Съ этимъ какъ бы согласуется то обстоятельство, что, повидимому, первоначально значеніе въ этой дружинѣ усвоилось не Ильѣ, но Александру, а за нимъ Добрынь. Въ сообществѣ съ Добрыней Александръ является уже въ хронографѣ 1-й редакціи, т. е. до 1512 г. Это упоминаніе обоихъ богатырей рядомъ показываетъ, что въ началу XVI-го столѣтія Александръ вошелъ во Владимировъ циклъ и былъ поставленъ въ связь съ общерусскою дружиною богатырей Владимирова времени, которые были представлены также погибшими на Калкѣ. Одновременно съ Добрыней въ нѣкоторыхъ изводахъ замѣнъ послѣдняго могъ быть называемъ Тимоня, соответствующій въ Тверской лѣтописи Добрынь другихъ лѣтописей. Вѣроятно, Добрыня былъ подставленъ вмѣсто Тимони позже, потому что въ современныхъ былинахъ о Добрынь

храбрыхъ въ боѣ съ татарами. Преданія, приуроченныя къ извѣстнымъ мѣстностямъ, могли передаваться въ прозѣ.

¹⁾ Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ названы въ Никоновской лѣтописи подъ 1216 г. (II, 326). Невѣстно точно, откуда они заимствованы. Нельзя ли видѣть въ нихъ слѣды Суздальскихъ сказаній о цѣломъ рядѣ богатырей? Ср. Ник. II, 320.

не встрѣчаемъ ни прозвища „Золотой поясъ“, ни намековъ на какія-нибудь обстоятельства, имѣющія отношеніе къ такому прованію. Рѣшеніе Суздальскихъ храбрыхъ служить Кіевскому князю, какъ представителю *общихъ* интересовъ русской земли, и отказаться отъ служенія частнымъ интересамъ князей какъ бы указываетъ на то, что уже до 1534 г. (годъ составленія свода, именуемаго Тверскою лѣтописью) былевой эпосъ и въ Суздальской землѣ проникся общерусскимъ земскимъ характеромъ, составляющимъ, какъ то обстоятельно выяснено О. Э. Миллеромъ, отличіе нашихъ былинъ отъ подобныхъ произведеній другихъ народовъ.—Имя Александръ уже замѣнено было въ нѣкоторыхъ пересказахъ именемъ Алешки, но Алеша еще не имѣлъ той дурной славы, какая досталась ему въ позднѣйшихъ былинахъ. Правда, упоминаніе объ Александрѣ въ связи съ Добрыней можетъ намекать на извѣстность въ то уже время святотства Алешки за Настасью Микулишну, но подобное предположеніе устраняется тѣмъ освѣщеніемъ, какое придано въ Тверской лѣтописи образу Александра: авторъ повѣсти не намекаетъ ни единымъ словомъ на какія-нибудь неблаговидныя похожденія Александра; напротивъ, поступки послѣдняго рисуютъ намъ его въ величавомъ видѣ, чуждымъ лукавства. Алешѣ принадлежало первенство въ дружинѣ Суздальскихъ храбрыхъ, и еще не было отведено ему то мѣсто, какое онъ занимаетъ въ позднѣйшихъ былинахъ: полного включенія Александра въ кругъ богатырей Владимира еще не было. О томъ свидѣлствуетъ повѣсть объ Александрѣ, занесенная въ Тверскую лѣтопись. Впрочемъ, повѣсть могла быть составлена по древнимъ сказаніямъ, записаннымъ до XVI-го столѣтія.

Таковымъ, кажется мнѣ, можно представлять содержаніе былинъ объ Александрѣ (онъ же и Алеша) Поповичѣ до половины XVI-го столѣтія, насколько оно можетъ быть возстановлено по лѣтописнымъ извѣстіямъ.

Возникаетъ вопросъ: насколько эти народныя и лѣтописныя сказанія были согласны съ дѣйствительностію? Какъ понимать отношеніе общерусской и мѣстной стихій этихъ сказаній, т. е. была ли основана и та и другая на дѣйствительныхъ событіяхъ, или же вторая-нибудь изъ нихъ явилась послѣ другой, привзошла потомъ въ сказанія объ Александрѣ? Другими словами: развились ли сказанія объ Алешѣ пер-

воначально въ Суздальской землѣ, или же были занесены туда извѣсь юга, и нашли тамъ воспримчивую почву? Далѣе: на самомъ пдѣлѣ участвовалъ Алеша въ Калкской битвѣ, или же былъ потомъ включенъ Суздальцами въ кругъ общерусской богатырской дружины, погибшей на Калкѣ по представленію народнаго эпоса?

Мнѣ кажется, что Александръ Поповичъ былъ храбрымъ Ростовскимъ дружинникомъ первой четверти XIII-го вѣка. Невозможно гверждать безъ всякихъ оговорокъ историческое существованіе Александра, потому что нельзя *доказать*, что древнѣйшія лѣтописныя свидѣтельства о немъ современны ему, но, съ другой стороны, нѣтъ освоеній отрицать возможность весьма ранней записи преданій объ Александрѣ: они могли войти въ ту Ростовскую лѣтопись, которой до насъ дошли только отрывки. Но и безъ этого послѣдняго предположенія личность Александра не возбуждаетъ сомнѣній; она въ высшей степени вѣроятна, насколько можетъ быть приписываемо историческое существованіе героямъ преданій, прикрѣпленныхъ съ самаго начала къ мѣстнымъ памятникамъ крупныхъ историческихъ событій. Невозможно думать, что богатырь времени Владимира былъ перенесенъ нѣсколькими лѣтописцами въ XIII-е столѣтіе ¹⁾ въ угоду мѣстному патриотизму. Если они помѣщали Александра въ Ростовской землѣ начала XIII-го вѣка, то толжны были имѣть поводъ и основаніе въ довольно отчетливомъ народномъ преданіи, если не въ документальныхъ данныхъ. Преданіе, которымъ они могли воспользоваться, не было слишкомъ удалено отъ 1223 года и могло вести начало съ того времени ²⁾. Оно должно было живо сохраняться въ Ростовской землѣ, потому что связывалось съ лучшими днями Ростова, съ годами его самостоятельнаго значенія и правленія въ немъ любимаго князя Константина. Должно признать потому за преданіемъ объ Александрѣ историческую основу и съ полнымъ правомъ можно думать, что ска-

¹⁾ Отрицаетъ подобную возможность и Н. И. Костомаровъ: Ист. мон. XIII, 204.

²⁾ Рѣшеніе „храбрыхъ“ отправиться на югъ, которое могло быть передано авторомъ повѣсти объ Александрѣ со словъ народныхъ преданій, могло явиться въ былевомъ эпосѣ сѣверо-востока въ то время, когда Кіевъ сохранялъ еще свое значеніе.

занія о немъ возникли историческимъ путемъ, и личность его историческая ¹⁾).

Невозможно установить съ несомнѣнною достовѣрностію, участвовалъ ли Александръ Поповичъ въ Калескомъ боѣ, такъ какъ нѣтъ современныхъ указаній, но всѣ соображенія приводятъ къ утвердительному рѣшенію этого вопроса. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ разсказѣ о переходѣ Александра не задолго до Калеской битвы на службу къ Кіевскому князю. Неизвѣстно, гдѣ впервые возникли былины о гибели русскихъ витязей на Калкѣ, но несомнѣнно, что онѣ были извѣстны въ Суздальской землѣ: это подтверждается не только разсмотрѣнными нами лѣтописными извѣстіями объ убіеніи 70 богатырей, но и записанною недавно былиною про бой Ильи Муромца съ Мамаемъ: татарская рать была вся изрублена, но похвальба братьевъ *Суздальцовъ* воскресила силу Мамаеву, которая все возрастала подъ ударами Русскихъ богатырей, пока не принесъ покаянія Илья Муромецъ ²⁾). Можно признать въ этой былинѣ остатокъ *Суздальскихъ тѣсенъ* о боѣ витязей съ татарами: онѣ могли относиться ко второму татарскому нашествію и потомъ слиться съ пѣснями о Калескомъ боѣ, но могли и сразу относиться къ этому послѣднему: судьба Александра Поповича и его товарищей, столь извѣстныхъ въ Ростовской землѣ, могла интересовать ихъ земляковъ и послѣ ухода витязей на югъ ³⁾), и былины объ Але-

¹⁾ Интересно, что въ разсказѣ объ убіеніи Василька Константиновича Ростовскаго татарами упоминается какой-то „боголюбивый Андрейнъ *Поповичъ*“. Впрочемъ, это прозвище было распространено, и въ числѣ новгородцевъ, убитыхъ во время Липецкаго сраженія, названъ „Иванко *Поповичъ*“.

²⁾ Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные Ефименкомъ, стр. 35.

³⁾ По мнѣнію Н. И. Костомарова (Историч. моногр. и изслѣд., XIII, 203), „нѣтъ основаній принимать, чтобъ“ Александръ Поповичъ, надшій въ битвѣ при Калкѣ, „было историческое лицо одно и тоже съ Александромъ Поповичемъ, богатыремъ Ростовскимъ. На Калкѣ участвовали только южнорусскіе князья съ ихъ дружинами и ратью“. Это возраженіе устраняется извѣстіемъ о предварительномъ переходѣ Александра на югъ, которое не можетъ возбуждать сомнѣній и которое Д. А. Корсаковъ считаетъ вполне заслуживающимъ вѣры. Нѣтъ нигдѣ намековъ на то, чтобы можно было принимать въ данномъ случаѣ двухъ одноименныхъ витязей.

Александръ и другихъ Суздальцахъ могли сложиться въ народѣ вскорѣ послѣ побѣды. Замѣтимъ, что изъ всѣхъ сѣверныхъ князей только одинъ *Ростовскій* обнаружилъ готовность присоединиться къ южному ополченію, собиравшемуся противъ татаръ. Онъ опоздалъ и воротился домой, узнавъ о злополучномъ исходѣ боя, но важно было, что въ Ростовѣ должны были немало говорить о бѣдствіяхъ, постигшихъ русскую землю.

Мы знаемъ теперь, каковы были древнѣйшія народныя сказанія объ Александрѣ и о боѣ витязей съ татарами, знаемъ также историческую основу ихъ.

Во время составленія Никоновскаго свода лѣтописей Александръ былъ рѣшительно причисленъ къ витязямъ Владимира, а эти послѣдніе были названы богатырями, каковое обозначеніе было распространено въ XVI-мъ столѣтіи и на югѣ. Тѣмъ не менѣе, Алешѣ приписывались важныя *отдѣльныя* подвиги въ защиту Кіева отъ кочевниковъ. Разсказъ Никоновской лѣтописи, какъ было уже сказано, представляетъ какъ бы переходъ въ современнымъ былинамъ объ Алешѣ, въ которыхъ имѣются весьма скудные отголоски древнѣйшаго извода сказаній объ Александрѣ, занесеннаго въ Тверскую лѣтопись. Такіе отголоски сохранились въ былинѣ, гдѣ Алеша со своей Ростовской дружиной оказывается стоящимъ особнякомъ отъ богатырей Владимира и поздно вступаетъ въ ихъ кругъ¹⁾. Повѣсть этой былины объ освобожденіи

1) „Матеріалы“ Ефименка, стр. 25 и сл.

2) Въ „Старинѣ про Илью Муромца“ Василий Прекрасный названъ любимымъ зятемъ Мамаю (тамъ же, стр. 32). Ср. разсказъ Никоновской лѣтописи подъ 1000 годомъ (П. с. р. л. IX, 68) объ отраженіи Александромъ отъ Кіева Володаря съ Половцами. Интересно, что и въ былинѣ, и въ лѣтописи предводитель нападающихъ носить христіанское имя. По лѣтописи, „Александръ множество Половецъ изби, а иныхъ въ поле прогна“; по былинѣ Алеша и его спутники, „прибимъ тое силу рать великую, кое сами, кое кони топчуть, и разбѣжалась рать сила великая по тому полю широкому“. По словамъ лѣтописца „Володимеръ возрадовася зѣло, и возложи на нь *тризну злату*, и сотвори и вельможа въ *палатъ* своей“; былина сообщаетъ, что Апраксія „брала Алешиньку за бѣлу руку и вела его *въ еридни столовня*... и стали Алешиньку тутъ жаловать: села съ приселками, города съ пригородвами, а *казни* то была ему не закрыта“. Зан-

Алешю Кіева отъ Василя Прекраснаго, т. е. отъ татарь²⁾, напоминаетъ разсказъ Никоновской лѣтописи объ отраженіи Александромъ Половцевъ отъ Кіева, а съ другой стороны является однимъ изъ пересказовъ былинь о подвигахъ, совершенныхъ Александромъ съ Суздальцами на югѣ, можетъ быть—на Калевѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ствую матеріалъ изъ былины, лѣтописецъ могъ вмѣсто татарь или вообще „силы невѣрной“ поставить Половцевъ.

Къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ.—Былины объ Алешѣ Поповичѣ
и о томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси*).

(Читано въ годичномъ собраніи Историческаго Общества Нестора мѣтописца
20 марта 1863 годѣ).

Записанныя въ прошломъ и настоящемъ столѣтіяхъ былины представляютъ Алешу въ большинствѣ случаевъ однимъ изъ богатырей Владимира, притомъ не главнымъ; Александръ сражается съ татарами въ дружинѣ, въ которой немного Суздальцевъ, а по другимъ изводамъ и совсѣмъ нѣтъ. Нынѣшнія былины не знаютъ битвы на *Калкѣ*: онѣ говорятъ о боѣ богатырей съ татарами на *Сабатъ-рыкъ* и въ другихъ мѣстностяхъ и приписываютъ этотъ подвигъ не 70 богатырямъ XIII вѣка, а богатырямъ Владимира: *эти послѣдніе* не устояли въ боѣ съ татарами. Современные былины излагаютъ это событіе довольно фантастично и даютъ ему особый исходъ.

Тѣмъ не менѣе, современные „старинны“ объ Алешѣ несомнѣнно связаны съ древними пѣснями и преданіями объ Александрѣ Поповичѣ и представляютъ дальнѣйшую переработку ихъ. На то указываетъ не только еднство имени героя тѣхъ и другихъ¹⁾, одинаковость происхожденія, но и нѣкоторыя другія частности. Алеша все тотъ же

*) См. Унив. Изв. № 3.

¹⁾ Въ разсказѣ Тверской лѣтописи о Липецкой битвѣ Александръ Поповичъ названъ Олешкой; что при этомъ разумѣлся Александръ, видно изъ упоминанія Торопа и Тимони рядомъ съ Олешкою (II. с. р. л. XV, стр. 323). Торопъ упоминался въ былинахъ еще въ прошломъ столѣтіи. Ср. Д. Н. Майкова, О былинахъ Владимірова цикла, Спб. 1863, стр. 25—26.

удалець, какимъ изображаетъ его Тверская лѣтопись: былины называютъ его „напускомъ смѣлымъ“. Этому качеству Алеши завидуетъ и Добрыня и, жалуясь матери на свою безталанность, говорить ей о себѣ:

Ты бы смѣлостью спородила

Въ Олешеньку Поповича.

Только Алеша отличается отъ другихъ богатырей горячностію и задоромъ, доходящимъ иногда до безразсудства.

Равнымъ образомъ въ нывѣшнихъ былинахъ о гибели витязей можно признать позднѣйшую передѣлку древней пѣсни о Калескомъ побойщѣ: въ былинахъ, какъ и въ древнемъ сказаніи, выступаетъ небольшая богатырская дружина; и тамъ, и здѣсь выдаются Алеша и Добрыня, но современныя былины выводятъ еще Илью; оканчивается бой съ татарами гибелью возгордившихся витязей или ихъ кончиною; гнѣвъ Божій погубила, по лѣтописямъ, и Калескихъ храбрецовъ ¹⁾.

Попробуемъ разсмотрѣть, какъ сложились интересующія насъ здѣсь современныя былинныя повѣствованія. Займемся сначала пѣснями о томъ, какъ перевелись витязи на святой Руси, а затѣмъ былинами, относящимися къ Алешѣ въ частности.

Былины о кончинѣ богатырей должны занять насъ прежде всего, потому что онѣ изначала имѣли первенствующее значеніе въ ряду сказаній объ Алешѣ ²⁾ и свѣрщили связь его съ богатырями Владимира; впервые эти былины ввели Алешу въ кругъ исконныхъ защитниковъ Русской земли, и тѣмъ было положено начало новому направленію въ развитіи пѣсенъ объ Алешѣ.

Современныя былины о гибели богатырей получаютъ надлежащій смыслъ и объясненіе только при совмѣстномъ изученіи всѣхъ пересказовъ.

По этимъ былинамъ, богатыри Владимира (по нѣкоторымъ пересказамъ вмѣстѣ съ ними былъ и Василій Буслаевичъ ³⁾) поразили

¹⁾ Царств. лѣт., стр. 98; Ник. II, 354.

²⁾ На то какъ бы указываетъ раннее и самое распространенное упоминаніе лѣтописей объ участіи Александра въ битвѣ при Калкѣ и то, что въ настоящее время почти нѣтъ былинъ о подвигахъ Алеши на сѣверѣ.

³⁾ Въ былинахъ, называющихъ Василія, можно видѣть новгородскій изводъ сказанія о гибели богатырей, которое рано сдѣлалось извѣстнымъ въ Новгородскихъ земляхъ, если только указаніе на то сохранилось въ упоминаніи Новгородской лѣтописи о гибели Александра при Калкѣ.

силу бусурманскую, но потомъ нѣкоторые (Алеша, Илья, Суздальцы) возгордились, стали похваляться, что могутъ справиться и съ силою нездѣшнею (по другимъ вариантамъ—небесною), и тотчасъ же воскресла сила побитая (по др. пересказамъ—явились двое воителей), и сколько ни разили ее богатыри, она росла подѣ ихъ ударами, увеличивалась вдвое или вшестеро и шла все на витязей съ боемъ. Богатыри не устояли. Судьба ихъ жердеается различно: то они побѣждали въ каменные горы и окаменѣли тамъ въ темныхъ пещерахъ, то „пересѣлися“, то послѣ побаянія въ „глухихъ словахъ братьевъ Суздальцевъ“, принесеннаго Ильей, „повалилась сила кроволитная“, а „удалы садились на добрыхъ коней, поѣхали ко городу Кіеву, въ тѣже пещеры во Кіевски; тамъ всѣ они и представилися“; наконецъ, по одному изводу

Прибились они, примучились,
И другъ другаго прикололи прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей.

По всей вѣроятности, болѣе удалились отъ первоначальнаго вида сказаній тѣ былины, которыя приурочиваютъ гибель или кончину богатырей къ нашествію на Кіевъ Калина царя; послѣ вызова съ его стороны богатыри отправились въ поле, и Илья съ Ермакомъ „прирубилъ всѣхъ татаръ да поганыхъ“

На этомъ на поли да на чистомъ,
У этой у рѣки да у Смородины;
У того ли дуба у шірока,
У того ль у камени у Олатыря.

Слѣдуетъ похвальба Ильи, бой съ татарами, которыхъ не могъ одолѣть,

Да пересѣлся-то старой казакъ Илья Муромецъ...
Окаменѣлъ его конь да богатырской,
И сдѣлался мощи да святыи
Да со старѣ казака Ильи Мурамца.

Другая былина того же пересказа опредѣляетъ мѣсто боя иначе:

онъ происходилъ у богатырской заставы, у дуба Невыда, у Креста Леванидова, у бѣлаго камня Олатыря¹⁾.

Кончину богатырей, о которой повѣствуютъ эти былины, объясняли различно. Э. И. Буслаевъ думалъ, что мифъ о превращеніи богатырей въ камни или скалы „первоначально относился къ великанамъ и богатырямъ породы старшей или титанической“ и былъ перенесенъ на „младшихъ богатырей“ впоследствии. Окаменѣніе изъясняли при этомъ обычнымъ способомъ, какой широко и постоянно примѣняютъ послѣдователи теоріи Куна и Шварца, и думали, что „въ основѣ всѣхъ подобныхъ преданій заключается древній общенародный мифъ объ окаменѣніи на зимнее время“; потомъ это мифическое сказаніе получило иной смыслъ съ примѣненіемъ его къ былевымъ героямъ (Аевасевъ, О. Э. Миллеръ). О. Э. Миллеръ думалъ прежде, что „тѣ воители, или та нездѣшняя (небесная) сила, которая *поискала* Илью и прочихъ младшихъ богатырей, должны быть признаны ангелами“. Богатыри были сведены съ лица земли подъ вліяніемъ духовной письменности, осуждавшей богатырство, „какъ избытокъ все-же *тѣлесныхъ* силъ²⁾“. Къ такому же толкованію склоняется и А. Н. Веселовскій, по мнѣнію котораго „старые герои удаляются на склонѣ дней, побѣжденные христіанской идеей, въ пещеры, въ горы, т. е. въ монастыри“³⁾. Рыбниковъ полагалъ, что „на первый разъ въ Татарщинѣ олицетворилась сила, которая „переступить черезъ великъ законъ“. Наши богатыри довольны мгновенной побѣдой и въ самодовольствѣ проговариваются... Народный смыслъ придалъ ихъ наказанію за распущенность силы удивительно наглядный смыслъ“. О. Э. Миллеръ соглашается теперь съ этимъ объясненіемъ и вмѣстѣ думаетъ, что пѣсни о томъ, какъ „не

¹⁾ Былины о гибели богатырей: Кирѣевскій, IV, 108—115 (перепечатка текста, помѣщеннаго Меемъ въ „Сынъ Отечества“ 1856 г.); Шевыревъ, Ист. р. слов., I.—Рыбниковъ I, 118—119; Гильфердингъ, стр. 655—659 и 704—711; Ефименко, 32—35. Подробный разборъ нѣкоторыхъ изъ этихъ пересказовъ, въ особенности записаннаго Меемъ, см. у О. Э. Миллера: И. Муромецъ, 789 и слѣд. Ранѣе О. Э. Миллера заподозрилъ порчу текста, напечатаннаго Меемъ, издатель пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ. Ср. замѣтку Колосова въ „Филологич. Зап.“ 1875 г., вып. II, стр. 41.

²⁾ Илья Мур. и богат. Кіевское, 792 и сл.

³⁾ Южно-русскія былины, Спб. 1881, стр. 34.

осталось на Руси богатырей", являются живымъ остаткомъ того древняго вида сказанія, слѣдъ котораго въ свое время отпечатлѣлся въ лѣтописной повѣсти о побойщѣ на Калкѣ¹⁾. Наирявѣе подобное сближеніе сдѣлалъ, впрочемъ—отрывочно, Л. Н. Майковъ²⁾.

Кажется, что это послѣднее объясненіе можетъ быть признано наиболѣе вѣрнымъ. Историческая основа былинны о томъ, какъ „не осталось на Руси богатырей“, ясно виднѣется сквозь оболочку обычной былевой фантастики. Былина изображаетъ гибель всѣхъ русскихъ богатырей въ бою съ татарами: даже въ тѣхъ вариантахъ, которые говорятъ о силѣ нездѣшней, предварительно упоминается татарченкокъ или огромная сила; по нѣкоторымъ пересказамъ, подъ ударами богатырей увеличивалась сила татарская. До Куликовской битвы Русь выступила противъ татаръ только одинъ разъ въ болѣе или менѣе сплоченномъ ополченіи—въ 1223 г., и скорѣе всего этотъ погромъ могъ отразиться въ нашей былинѣ. Правда, Суздальскіе князья попытались противопоставить татарамъ вооруженное сопротивленіе 14 лѣтъ спустя, но сраженіе на Сити не имѣло такого общерусскаго значенія, какъ бой Калкскій. Древнія былинны, какъ мы видѣли изъ разбора лѣтописныхъ показаній, повѣствовани о гибели Александра и другихъ богатырей на Калкѣ. Многія частности современной былинны съ наибольшою вѣроятностію могутъ быть отнесены также къ погрому 1223 г. Мнѣ кажется, можно признать разительное совпаденіе подробностей былинны съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Калкскомъ побойщѣ³⁾. По лѣтописи при Калкѣ погибли нѣкѣтъ южнорусскихъ дружинъ; лѣтописи говорятъ о многихъ храбрецахъ,

1) Галаховъ, Исторія русской словесности, т. I², стр. 89.

2) О былинахъ Владимірова цикла, стр. 26.

3) При сопоставленіи мы будемъ придерживаться преимущественно текста сказанія о Калкскомъ побойщѣ, который внесенъ въ галицко-волынскую лѣтопись и составленъ современникомъ, волынцемъ или галичаниномъ. См. К. Н. Бестужева—Рюмина „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка“, стр. 154. Ср. ст. г. Куника „О признаніи 1223 года времени битвы при Калкѣ“ въ Учен. Зап. Ими. Ак. Н. по 1 и 3 отд., т. II, стр. 765 и 779. Выраженіе, въ которомъ видѣли указаніе на то, что авторъ сказанія о Калкскомъ побойщѣ былъ современникъ его, въ новѣйшемъ изданіи Ипатскаго списка читается иначе: „всяномъ“; въ рукописяхъ стоитъ „всянамъ“; не описка ли?

падшихъ тамъ: „быть побѣда на всі князи Рускыя, такоже не бывало нивогда же ¹⁾“; по былинѣ сражались съ татарами или силою нездѣшною и окончили затѣмъ свою жизнь *остъ* богатыри Владимира, и послѣ того на Руси не осталось богатырей. Съ точки зрѣнія сѣверянина южнорусскіе князья, предпринявшіе походъ противъ татаръ, поступили самонадѣянно: собравшись въ Кіевѣ, они разсуждали безъ „Юрья князя великаго Суждальскаго“, котораго „не бы в томъ с(ъ)вѣтѣ ²⁾“. Князья, въ особенности молодые, (напр. Даніилъ, который былъ „дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока) ³⁾“, относились горделиво къ татарамъ и даже бой начали съ ними не съобща: Мстиславъ Мстиславичъ ударилъ первый, желая превзойти другихъ князей, и не оповѣстивъ ихъ о томъ ⁴⁾. Та же самонадѣянность и гордыня погубили былинныхъ богатырей. По нѣкоторымъ вариантамъ, еще до боя всѣ богатыри расхвастались въ Кіевѣ на пиру у Владимира, а начало положилъ самъ князь:

Онъ похвастаѣ а вѣдь городомъ,
 А вѣдь городомъ а вѣдь Кіевомъ;
 Русскіи могучіи богатыри
 А похвастали-то они силою,
 А силою своею богатырскою ⁵⁾...

Когда послѣ пира всѣ разошлись по домамъ, почью вдругъ была поднята тревога звономъ на княжецекомъ дворѣ: „пришолъ татаринъ

¹⁾ Ипатскій списокъ, изд. 1871, стр. 497.

²⁾ Тамъ-же, стр. 495.

³⁾ Ип. 497. Въ былинахъ напоминаетъ Даніила до извѣстной степени Ермакъ, который также рвался въ бой.

⁴⁾ Даже одинъ арабскій историкъ, современный первому нашествію татаръ, приписалъ поражение, вѣроятно со словъ русскихъ купцовъ, тому, что Русскіе и Кыпчаки считали себя безопасными отъ Татаръ и мечтали о своемъ превосходствѣ надъ ними“. Учен. Зап. И. А. Н. по 1 и 3 отд., т. II стр. 661.

⁵⁾ Хвастовство упоминается, впрочемъ, почти во всякомъ былинномъ описаніи пира, и хвастаютъ на пиру не только у Владимира, но и у Грознаго, у короля Политовскаго и у Водянаго царя. Богатырь не хваставшій вызывалъ удивленіе (Гильфердингъ 335).

богатыри 1)». До известной степени это мѣсто былины напоминаетъ отзывъ нѣкоторыхъ изводовъ лѣтописнаго сказанія о совѣщаніи русскихъ князей и объ ихъ гордости предъ походомъ на Калку 2). Какъ позднѣе татарское иго считалось карой, ниспосланной намъ за наши грѣхи, такъ и на Калкское пораженіе наши предки взглянули, какъ на несчастіе, постигшее „грѣхъ ради нашихъ“, „за прегрешение крестьянское“: Богъ ожидалъ „покаянія крестьянскаго 3)“. Татары представлялись „неслыханною, невиданною ратью“ 4). Болѣе подробно передается подобное впечатлѣніе и вмѣстѣ мнѣніе объ особенномъ назначеніи этого народа въ позднѣйшихъ изводахъ лѣтописей. Вотъ, напр., какъ начинается „Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ, и о князехъ Рускихъ, и о храбрыхъ 70“ въ Тверской лѣтописи: „По грѣхомъ нашимъ, придоша языци незнаемі, безбожніи Моявитяне, ихже никтоже добрѣ не вѣсть ясно, кто суть, и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я Татари, а иніи глаголють Таурмени, а друзіи Печепѣзи. Иніи же глаголють, яко сіи суть, о нихъ же Мефодій, епископъ Патромскій, свѣдѣтельствуеть, яко сіи суть вышли яс пустыня Ефровскія, сущи межѣ вѣстова и сѣвера. Тако бо глаголетъ Мефодій: яко въ скончаніе времени явится имъ, ихже загна тамо Гедeonъ, и изшедше оттуду поплѣнять всю землю... Богъ же вѣсть единъ, кто суть и отколѣ изыдоша 5)....“ „...и не свѣдаемъ, отгуду были пришли, и камо ся дѣли; единъ Богъ вѣсть, откуду приведе, за грѣхи наша, и за похвалу и гордость вели-

1) Гильфердингъ, стр. 655.

2) П. с. р. л. XV, 336: „...не сихъ же (т. е. татаръ) ради сіе случяся, но гордости ради и величанія Рускихъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози, и високоумны, и мнящяся своею храбростію съдѣловающе; имѣхуть же и дружину многу и храбру, и тою величящяся...“ Стр. 338: „...и быша челомъ вси тии (т. е. Суздальскіе) храбры великому князю Мьстиславу Романовичу, о нихже князь великій велии гордящяся и хвалящяся, донележе сіа злоба съключися....“ ср. еще на стр. 343 заключеніе.

3) Ип. 497.

4) Ип. 495. Цезарій Гейстербахскій писалъ о татарахъ 1223 года: „de qua (gente) nobis non constat, quae sit, unde veniat, vel quo tendat“.

5) П. с. р. л. XV, 335—336.

каго князя Мстислава Романовича ¹⁾“. Былинныя богатыри погибли отъ „силы нездѣшной“, которая, какъ уже было сказано, въ нѣкоторыхъ вариантахъ прямо отождествляется съ силою татарскою. Мнѣ кажется, что такое названіе—самое древнее былинное представленіе, относящееся къ тому же времени, что и повѣсть о Калкскомъ побоищѣ, потому что и былины, и лѣтописи въ этомъ случаѣ разительны согласны. Потомъ силу „нездѣшнюю“ могли превратить легко въ „небесную“, утративъ первоначальный смыслъ этого обозначенія, и тогда взамѣнъ воскресшихъ супостатовъ были выведены витязи небесныя. Важно также совпаденіе болѣе мелкихъ частныхъ. По лѣтописямъ русское ополченіе погибло не въ одинъ день; по Архангельской былинѣ бой продолжался шесть сутокъ ²⁾. Далѣе, и по былинамъ невзгода постигла витязей *въ полъ*. Быть можетъ, даже отголоски названія Калки уцѣлѣли въ нѣкоторыхъ былинахъ ³⁾. Итакъ, историческая основа былинъ о гибели или о кончинѣ богатырей несомнѣнна.

Какъ нельзя болѣе понятно возникновеніе подобныхъ былинъ.

Въ XII и XIII вв. предметомъ пѣснѣ, былинъ, становились всѣ замѣчательныя событія народной жизни. Былевая поэзія не только прославляла военныя удачи; въ ней отражались и невзгоды; о томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, „Слово о полку Игоревѣ“.

Первое и второе татарскія нашествія страшно поразили народное воображеніе. Даже на Западѣ народъ долго не могъ забыть имя Батя ⁴⁾, а у насъ нѣкоторыя мѣстности и теперь носятъ его имя. Тѣмъ отычвѣе должна была быть народная пѣсня. Насколько ей было памятно татарское нашествіе, видно изъ множества сказаній о бояхъ съ татарами въ нашихъ былинахъ. Одиночный бой съ татарами приписывается многимъ богатырямъ, въ томъ числѣ и Алешѣ ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ-же, 343.

²⁾ „Матеріалы“ Ефименка, 35.

³⁾ Не явилась ли рѣка Салфа въ нѣкоторыхъ былинахъ замѣнитъ Калки? По крайней мѣрѣ, Салфу мы встрѣтили въ былинахъ, имѣющихъ отношеніе къ бою съ татарами. См. ниже. Отъ Салфы былъ легокъ переходъ къ Сафатъ рѣкѣ.

⁴⁾ Нѣкоторые готовы допустить слѣды народной былевой пѣсни въ разсказѣ Длугоша о геройскихъ подвигахъ Іоанна Ивановича въ Лигницкой битвѣ. Girgensohn, Kritische Untersuchung über das VII. Buch der Historia Polonica des Dlugosch, Göttingen 1872, S. 81.

⁵⁾ Гильф., 247. Кажется, что нѣкоторыя изъ этихъ былинъ о боѣ того или

Въ былинахъ, рассказывающихъ о нападеніяхъ татаръ, замѣчаются воспоминанія о нѣсколькихъ событіяхъ XIII-го столѣтія. Насъ интересуютъ здѣсь только пѣсни, относящіяся къ Калкскому побоищу, и тѣ подробности послѣднихъ, которыя затемнили первоначальную основу.

Если разсматриваемая нами пѣсня о неудачѣ при Калкѣ возникла въ Суздальской землѣ непосредственно вслѣдъ за побоищемъ, то весьма вѣроятно¹⁾, то въ ней не могли сразу выступать богатыри Владимира, и вниманіе могло сосредоточиваться не столько на отдѣльных личностяхъ, сколько на общей гибели всѣхъ бывшихъ тамъ русскихъ витязей. Но сразу разсматриваемая былина могла украситься обычными въ этихъ случаяхъ поэтическими мотивами, составляющими принадлежность былеваго стиля, общую многимъ народамъ.

Мы видѣли, что современники Калкскаго побоища не только на

другаго богатыря съ татарами или татаринномъ имѣютъ отношеніе къ пѣснямъ о Калкскомъ боѣ. Ср., напр., съ послѣдними пѣсни о боѣ Ильи Муромца (Кирѣевскій I, №№ 1, 2, 3); подробности тѣже: „опочивъ“, злой татарченкокъ.

¹⁾ Послѣ 1238 г. народное воображеніе было занято новою бѣдою. Извѣстіе, переданное Матеемъ, также указываетъ на раннее возникновеніе сказанія о гибели 70 (у Матеея 72) богатырей. Вѣсть о калкскомъ пораженіи быстро разнеслась по Руси и должна была поразить тѣмъ болѣе, что и приготовленія къ походу были шумны и являлись общерусскимъ предпріятіемъ. По сообщенію Генриха Латыша, зимою 12²²/₂₃ „пронеслась рѣчь по всей Руси: битися съ Татарами“. По словамъ Лаврентьевскаго списка, послѣ пораженія „бысть плачь и туга въ Руси и по всей земли слышавшимъ сію бѣду“.—На составленіе въ Суздалѣ былины о Калкскомъ боѣ указываетъ не только упоминаніе Суздальцевъ въ одномъ вариантѣ, но и раннее занесеніе ея въ сѣверо-восточныя лѣтописи и первенствующее значеніе Алеши въ древнихъ изводахъ, отголоскомъ чего является и теперь вариантъ, по которому на витязей накликалъ бѣду Алеша. Въ Суздальцахъ разсматриваемой былины нельзя видѣть Сурожанъ, каковыми считаетъ А. Н. Веселовскій Пленка, отца Чурилы, и Суровца—Суздальца. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI—X, Спб. 1883, стр. 288—290. Ранѣе тоже сближеніе см. въ приложеніи къ 3-му выпуску пѣсенъ Кирѣевскаго, VII—VIII. Замѣтимъ, что въ былинахъ о Суровцѣ—Суздальцѣ онъ называется Сурожениномъ, „по роду города Суздаля“, „сыномъ отца гостя богатаго“. Кирѣевскій, 3, 110 и IX.

Русь, но и въ другихъ странахъ, объяснили поражение русскихъ ихъ самоувѣренностію. Та же черта была перенесена на богатырей, падшихъ въ битвѣ: они были представлены наказанными за гордость, за похвальбу, которою грѣшатъ нерѣдко былевые герои¹⁾. Это представление обусловило образное описание исхода боя. Былина могла воспользоваться готовыми образами, которые были примѣняемы въ эпосѣ и до того времени²⁾.

Однимъ изъ видовъ неудачъ, постигающихъ въ эпосѣ (возгордившихся) богатырей, является увеличеніе враждебной силы съ каждымъ новымъ ударомъ³⁾. Само собою разумѣется, что такое возрастаніе врага заставляетъ предполагать дѣйствіе какой-то особой силы. Подъ влияніемъ христіанскаго міровоззрѣнія старый мотивъ похвальбы и высокоумрнаго отношенія къ Божеству⁴⁾ нѣсколько видоизмѣняется, а вмѣстѣ и наказующею силою представляется „сила небесная⁵⁾“. Первый изъ этихъ мотивовъ могъ сразу войти въ былинку о гибели богатырей, потому что встрѣчается во всѣхъ изводахъ ея. „Сила небесная“ могла явиться дальнѣйшею ступенью въ развитіи представленія о „силѣ вездѣшней“, но могла также выступить весьма скоро въ нашей былинѣ, и двое воевателей, которыхъ не узнали наши витязи, нисколько

¹⁾ См., напр., Сказки и легенды Чеченцевъ, собран. и перевод. Н. Семейницынъ, Владикавказъ 1882, стр. 5.

²⁾ Уже О. И. Буслаевъ обратилъ вниманіе на традиціонный мотивъ похвальбы въ рассматриваемыхъ былинахъ.

³⁾ Сравнительныя данныя указаны О. Э. Миллеромъ: И. Муромецъ, стр. 791, прим. 71.—Прибавимъ преданіе объ убіеніи послѣдняго болгарскаго царя Константина. В. Качановскій, Памятники болгарскаго народнаго творчества, выд. 1, Спб. 1882, № 110.

⁴⁾ Въ сѣверной мифологіи встрѣчаемъ вызовъ, дѣлаемый богамъ и даже насмѣшки надъ ними. Grimm, Deutsche Myth. I³, 6, Anmerk. Въ связи съ этимъ замѣчательно то, что говорится въ сагахъ о религіозномъ настроеніи нашего Владимира предъ принятіемъ христіанства. Известно, что и древне-греческой мифологіей были созданы образы героевъ, обладавшихъ физическою мощью и возставшихъ противъ боговъ. Ср. P. Rajna, Reali di Francia, I, 85—87.

⁵⁾ Въ рыцарской поэзіи выработалось даже противоположеніе двухъ воинствъ, и въ романѣ о Ланселотѣ встрѣчаемъ *chevalerie terrienne* и *célestienne*.

не свидѣтельствуютъ объ искаженіи пѣсни, о пререходѣ ея въ духовный стихъ. Подъ вліяніемъ христіанства у насъ рано утвердился взглядъ, что всякая похвальба и самомиѣніе влекутъ за собою наказаніе свыше, и въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ примѣненіе этого взгляда къ различнымъ событіямъ русской жизни ¹⁾. Такъ должны были объяснять и неудачу при Калкѣ: ее должны были усвоить силѣ нездѣшней—небесной. Этой силѣ приписывали въ тѣ времена всѣ удачи и неудачи, и какъ этотъ мотивъ былъ присущъ былевымъ пѣснямъ, показываетъ *Ludwigslied*, т. е. пѣсня о разбитіи Людовикомъ III Норманновъ въ 881 г. Она была составлена въ концѣ того же года или въ началѣ слѣдующаго, и однако въ ней встрѣчается легендарная прикраса—упоминаніе о божественномъ вмѣшательствѣ, вслѣдствіе чего Я. Гриммъ хотѣлъ видѣть въ ней не историческую, но мифическую основу. Та же вѣра продолжала существовать и въ позднѣйшее время. Особенной силы она достигла на Западѣ въ періодъ крестовыхъ походовъ, когда одушевлялись глубокою вѣрой въ водительство Христа ²⁾. Вообще, какъ извѣстно, въ средніе вѣка постоянно признавалось сверхъ-естественное вмѣшательство даже въ самыя обыкновенныя событія. Русскіе не отличались въ этомъ случаѣ отъ народовъ Запада. Разсказъ лѣтописи о походѣ Мономаха противъ Половцевъ показываетъ, что и намъ грезилось участіе ангеловъ въ битвахъ съ невѣрными. Та же сила небесная легко могла явиться и въ былинахъ о Калкскомъ побойцѣ, потому что упоминаніе о ней стало общимъ эпическимъ приемомъ. Ей было приписано воскрешеніе убиваемыхъ враговъ, о которомъ говорятъ нѣкоторые варианты.

На ряду съ этимъ традиціоннымъ мотивомъ христіанской мифологіи, пѣсня о Калкскомъ боѣ была украшена еще одною прибавкою, которая юренилась въ воззрѣніяхъ до—христіанскаго времени. Вѣтязи, не могшіе справиться съ чудесно увеличивавшеюся невѣрною силою, были представлены окаменѣвшими. Окаменѣніе богатырей принадлежитъ къ весьма распространеннымъ эпическимъ мотивамъ ³⁾ и первоначально не могло

¹⁾ См., напр., разсказъ Киевской лѣтописи о смерти Владиміра Галицкаго Ип. 318—319.

²⁾ Reuter, Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter, II, 25 и примѣч. на стр. 314.

³⁾ См. „Поэтическія Воззрѣнія“ Аванасьева. О. Ф. Миллера И. Муро-

имѣть того христіанскаго значенія, какое приписываетъ ему въ наше былинѣ А. Н. Веселовскій. Весьма вѣроятно, что заключительныя слов нѣкоторыхъ ея изводовъ, толкуюція окаменѣніе въ смыслѣ удаленіи въ пещеры, явились подъ вліяніемъ былинъ, говорившихъ о томъ, что Илья Муромецъ окончилъ свою жизнь въ кіевскихъ пещерахъ¹⁾. Весьма важно окончаніе одной былины о послѣдней поѣздкѣ Ильи:

Пріѣзжае онъ во славной во Кіевъ градъ
 А ко тымъ ли онъ пещерамъ да ко Кіевскимъ,
 А прилетала *невидіма сила ательска*,
 А вимали-то ёго да со добра коня
 И *заносили въ пещеры-ты* во Кіевски,
 И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ²⁾.

Былины постоянно повторяютъ, что Ильѣ на бою смерть не написана. Онѣ старались согласить преданіе о гибели всѣхъ богатырей вслѣдствіе окаменѣнія съ представленіемъ о святости Ильи и о кончинѣ его въ монастырѣ. Потомъ съ Ильи тоже представленіе было перенесено и на другихъ богатырей. Народная пѣсня не могла быть проникнута изначала такимъ сознательнымъ символизмомъ. Окаменѣніе получило въ разсматриваемыхъ пѣсняхъ христіанское примѣненіе въ смыслѣ удаленія въ монастырь въ тѣхъ изводахъ, которые выводили Илью и приписывали ему первенствующее значеніе, и постепенно этотъ вариантъ началъ замѣщать первоначальный образъ такъ, что нѣкоторыя былины говорятъ объ общемъ удаленіи богатырей въ монастыри еще до нашествія силы невѣрной.

Связаніе о гибели многихъ богатырей въ битвѣ при Калкѣ и объ

мецъ, стр. 796—797. А. Н. Веселовскаго „Опыты по исторіи христіанской легенды“ въ Ж. М. Н. Пр. 1875. Ср. у Л. З. Колмачевскаго: „Замѣтки о Гильфагиннингъ“, Казань 1881, стр. 46. Котляревскій, Старина и народность, 1861, 38—39.

¹⁾ Онежскія былины, 659; здѣсь вызовъ силы нездѣшной, борьба съ нею и окаменѣніе приписаны исключительно Ильѣ. Впрочемъ, народное преданіе могло говорить и объ удаленіи богатырей въ пещеры, не соединяя съ тѣмъ представленіе объ иночествѣ. См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, выд. II, Тифлисъ 1882, стр. 138; ср. стр. 111.

²⁾ Гильферд., 313.

ить о каменѣни доставило былевому творчеству возможность и удобный случай объяснить гибель и другихъ богатырей, занимавшихъ народное воображеніе. Народъ не любитъ сражать своихъ богатырей обычною смертію, и многіе богатыри были сокрыты, по народному преданію, въ горахъ. Такъ должны были окончить свой вѣкъ и наши богатыри времени Владимира. Введеніе ихъ въ былины о Калкскомъ боѣ было послѣднею ступенью въ развитіи этихъ пѣсень.

Народная поэзія не знаетъ точной хронологіи и оставляетъ безъ вниманія теченіе лѣтъ. Во времена злой татарщины княженіе Владимира представлялось въ народной памяти самымъ свѣтлымъ моментомъ прошлаго и продолжало быть притягательнымъ центромъ другихъ эпическихъ сказаній. Съ другой стороны, слушая пѣсни о славныхъ подвигахъ богатырей стараго времени и сравнивая съ нимъ холопство своего, народъ не разъ могъ задаваться вопросомъ, куда же дѣвались его старые защитники, его любимые герои, куда исчезла богатырская застава, бывшая нѣкогда на границахъ русской земли? Этотъ вопросъ нерѣдко изывала суровая дѣйствительность, такъ неприглядно отличавшаяся отъ дней славы и силы. Отвѣтъ на него давало сказаніе о гибели *славъ лучшихъ богатырей* Русской земли въ битвѣ при Калкѣ. Тамъ должны были погибнуть и славные витязи Владимира наряду съ богатырями, дѣйствительно легшими въ ней. Мало по малу народъ забылъ этихъ послѣднихъ, за исключеніемъ Александра, перенесъ все сказаніе на удалцовъ, которымъ издавна ввѣрилъ въ своей фантазіи охрану русской земли, и низвелъ число участниковъ боя съ татарами съ 70, какъ было въ древнѣйшихъ изводахъ, до 7 (въ другихъ пересказахъ—до 12). Народная память не различала рѣзко время, въ которое жили богатыри Владимира, отъ момента Калкскаго побоища: и въ витязи Владимира вели борьбу, по народнымъ сказаніямъ, съ Царегородомъ, съ Идолицами, со змѣями, быть можетъ также—съ Печенѣгами и Половцами. Алеша, участвовавшій въ бою на Калкѣ, былъ также отнесенъ къ богатырямъ Владимира, въ ряду каковыхъ и является въ современныхъ пѣсняхъ о Калкскомъ побоищѣ.

Таковы были послѣдовательныя видоизмѣненія былины о страшной Калкской невгодѣ, которая можно, кажется мнѣ, воссоздать довольно вѣроятно на основаніи существующихъ данныхъ. Съ полною достовѣрностью можно выяснить исторію былины объ Алешѣ съ того

момента, когда этотъ витязь былъ включенъ въ кругъ богатырей Владимира.

Алеша долженствовалъ быть приведенъ теперь въ многообразныя соотношенія съ ними. Народный эпосъ постепенно вырабатываетъ дс мелочей личную и совмѣстную исторію любимыхъ героевъ и вноситъ при этомъ много такого матеріала, который не имѣлъ первоначально никакого отношенія къ древнѣйшимъ былевымъ пѣснямъ. Въ этомъ случаѣ сказывается потребность эпического развитія и восполненія разрозненныхъ первоначально исторій. Такъ случилось и съ Алешею. Его породнили высшимъ родствомъ—названнымъ братствомъ—съ Ильей Муромцомъ.

Назвался старый (т. е. Илья) братомъ старшимъ,
 А середнимъ Добрынюшка Нивитичъ младъ,
 А въ третьихъ Алешинька Поповичъ младъ ¹⁾.
 А крестный отъ-братъ паче роднаго ²⁾

Эпосъ заставилъ Алешу служить Владимиру наравнѣ съ другими богатырями, сторожить на богатырской заставѣ и ввелъ его въ былинны, описывающія Батыево нашествіе ³⁾.

Мы видѣли, что на народный эпосъ оказываетъ сильное воздѣйствіе элементъ припоминанія, очень часто *механическаго*. Подобное механическое соединеніе должно признать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эпосъ усваиваетъ извѣстному историческому герою похождения, которыхъ не могло знать первоначальное преданіе о немъ. Такія приключенія приписываются почти всѣмъ былевымъ героямъ. Самый кругъ этихъ героевъ раздвигается введеніемъ въ него личностей небывалыхъ, которыя пополняютъ картину. И эти личности, и приключенія несомнѣнно историческихъ героевъ разрисовываются подъ вліяніемъ различныхъ сказаній, проникающихъ въ народъ и чуждыхъ первоначальной канвѣ эпоса.

Алеша подпалъ той же участи. Ему были приписаны подвиги мническаго характера и похождения, не заключающія въ себѣ ничего геройскаго ⁴⁾.

¹⁾ Ефименко, 28. Иначе въ др. былинахъ, напр. у Рыбникова II, 30.

²⁾ Гильфердингъ, 134.

³⁾ Кирѣевскій, IV, стр. 40 и слѣд. Гильферд., 706—711.

⁴⁾ Ягичъ, Gradja, 48.

Извѣстно, какъ распространена въ сказаніяхъ различныхъ народовъ легенда о борьбѣ со змѣемъ. Слава змѣборца досталась въ нашихъ былинахъ преимущественно Добрынѣ, но нѣкоторые ревнители Ахшиной славы сдѣлали и его героемъ подобнаго подвига. Въ народномъ творествѣ встрѣчаемъ нерѣдко отнесеніе однихъ и тѣхъ же сказаній, эпизодовъ и мотивовъ къ различнымъ лицамъ. Судя по незначительному количеству былинъ о змѣборствѣ Алеши можно думать, что на Алешу былъ просто перенесенъ подвигъ Добрыни. Въ пользу такого предположенія свидѣтельствуетъ какъ бы названіе змѣя, убитаго Алешкою: если въ его имени (Тугаринъ) скрывается отголосокъ имени Тугоркана, то, очевидно, поражение змѣя должно было составлять первоначально заслугу инаго богатыря. Но возможно и иное объясненіе. Народный эпосъ любитъ представлять въ образѣ змѣя народныхъ враговъ. Татары могли быть воплощены въ видѣ змѣя, получившаго древнюю кличку. Тогда былины о боѣ съ Тугариномъ слѣдовало бы толковать также, какъ и пѣсни о разбитіи Алешкою Василя Прекраснаго *по пути* къ Киеву, т. е. въ смыслѣ битвы съ татарами, и предположить, что и онѣ относятся къ Калкскому побойцу.

Въ нечестной обрисовкѣ предстаетъ Алеша въ былинѣ о короткомъ знакомствѣ съ сестрою Збродовичей, которые были опозорены признаніемъ въ томъ Алеша на одномъ пиру, когда похвастали благопріемъ своей сестры. Отъ Алеши бѣгали красны дѣвицы съ новыкъ сней. Еще болѣе нечестности онъ выказываетъ въ весьма распространенныхъ пѣсняхъ о томъ, какъ онъ обвинчался съ женою Добрыни, котораго постарался отправить предварительно въ далекую богатырскую поѣзду ¹⁾.

Уѣзжая Добрыня позволилъ Настасѣ выйти въ замужество въ случаѣ, если бы онъ не возвратился по прошествіи извѣстнаго времени ²⁾, но только не за Алешу, его брата названаго.

¹⁾ По другимъ изводамъ, мысль о посылкѣ Добрыни принадлежала Владимиру или Ильѣ, а по нѣкоторымъ—всѣмъ бывшимъ на пиру. По нѣкоторымъ былинамъ, Алеша и ранѣе старался взвалить на Добрыню трудныя порученія, уклоняясь отъ нихъ самъ. Гильфердингъ, 32, 475.

²⁾ Срокъ возврата колеблется въ различныхъ пересказахъ между двумя и восемнадцатью годами.

Тутъ простилася да воротилася,
 А домой пошла, сама заплакала.
 День то за день будто дождь сѣвѣтъ,
 А недѣля за недѣлей какъ трава растѣтъ,
 Годъ-тогъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ,
 А прошло то тому времячки да 3 годы,
 Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ часта поля.
 Стала ждать Добрынюшку по друго три.

Когда Добрыня не возвратился, Алеша привезъ перадостную вѣсть
 (по друг.—письмо) матери Добрыни и женѣ его, въ нѣкот. переск —
 Владимиру:

А на томъ ли поли да на лыцарскомъ
 Какъ видалъ Добрынюшка убить лежитъ,
 Головой лежитъ да во синю морю,
 А и ноги рѣзвыи о раки товъ кустъ.
 Скрозь его раны да скрозь кровавыи
 Проросла трава да росшелковая,
 Расцвѣли цвѣты да всѣ лазуревы 1).

Владимиръ спрашиваетъ Алешу:

И не врешь ли ты Алеша и Поповичъ?—

—И не вру, не вру, Владимиръ князь, да стольне—Кіевской 2).

Настасья Мигулична не довѣрала словамъ Алешы, отклонила его
 сватовство и рѣшила подождать еще:

Справила я заповѣдь-то мужнюю,
 Справлю свою заповѣдь-то женскую.

Къ концу втораго (по нѣк.—третьяго) срока Алеша повторилъ
 домогательство ея руки и, съ помощью Владимира, принудилъ Настасью
 согласиться. Въ самый день свадьбы прибылъ въ Кіевъ Добрыня, пе-
 реодѣлся скоморохомъ и явился на свадебный пиръ. Всѣ заслушались
 его игры во гусельшка яровчаты и пѣсенъ, и Владимиръ позволилъ

1) Онежскія былины, 1026.

2) Тамъ-же, 1324. Эта былина весьма неблагоклонна къ Алешѣ. Во-
 обще степень виновности и низости Алешы не одинакова въ различныхъ
 пересказахъ, но сущность его главнаго поступка вездѣ передается сходно.

ему сойти съ муравленой печи и занять мѣсто попочетнѣе. Добрыня усьлся за столомъ противъ Настасьи и, когда его поподчивали виномъ, попросилъ позволенія поднести и отъ себя чару „молодой княгинѣ“. Отъ попросилъ Настасью выпить чару до дна, чтобы увидѣть себѣ добра. На днѣ она увидала перстень, которымъ была обручена съ Добрыней.

Настасья вскочила изъ-за стола:

- „Ахъ же вы князи, вы бѣяра,
- „Сильни могучіи вси богатыри!
- „А не тотъ вѣдь мужъ, кой подли меня,
- „А тотъ мой мужъ да супротивъ меня
- „Прости-ко, Добрынюшка Микитиниць...
- „Не дивуй-ко ты разуму женскому....
- „Ай у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
- „А не честью-то берутъ меня охвотою,
- „Силою берутъ меня неволею“.

Это тутъ Добрыня расходился самъ,

Самъ говорить таково слово:

- Не дивую я разуму-то женскому,
- Подивую я разуму мужскому,
- А честны завѣты исполнила....
- Что ты Владимиръ топерь дѣлаешь,
- Отъ жива мужа какъ ты жену берешь!“

Разгорѣлося его да сердце богатырскоѣ,
 Возсерчалъ то онъ на братца на крестоваго,
 На Олешеньку Поповича.

Ухватилъ его за желтыя кудри,
 Выводилъ да за почестнаго пира за свадебни,
 Выводилъ его на гридню на столовую,
 Ужъ какъ сталь-то онъ по гридни да поваживать,
 А въ одной рукѣ-то держать у него желтыя кудри,
 А въ другой рукѣ держитъ гуселышка яровчаты,
 И сталь за желтыя кудри поваживать,
 А гуселышками тутъ Олешеньку охаживать¹⁾.

¹⁾ По нѣкоторымъ изводамъ, Добрыня охаживалъ Алешу шалыгомъ водорожною.

Воспрогóворить Олеша таково слово:

„По Русіи-то пословица та водится:
 „Ужъ какъ всякій, братцы, женится,
 „А не всякому женидба задавается¹⁾.
 „Не дай Господи на сѣмь свѣти
 „Какъ Олешеньки Поповичу“!—

Какъ клѣнется Олѣшка проклинается:

—А будетъ трою проклять на вѣку тотъ былъ,
 —Кто станеть будетъ эдакъ-то жениться,
 —Отъ живого мужа жѣна отлучать²⁾.—

Владимиръ также былъ пристыженъ Добрынею. Былины различно представляютъ исходъ этого печальнаго приключенія для Алеши. По однимъ³⁾, „сѣзжались Добрыня со Поповичемъ на смертный бой“, и „туть Алеша только живъ бывалъ“; онъ былъ оставленъ „чуть въ душахъ“, или же былъ изувѣченъ.

По другимъ изводамъ,

Какъ нахлысталъ Добрынюшка его туть дóлюби,
 А дóлюби Добрыня ёго досыти,
 Какъ со стыду со страму со великого
 А туть этотъ Олѣшенька Поповичъ—онъ
 Уѣхалъ онъ безвѣстно не знаютъ гдѣ⁴⁾.

По третьимъ сказаніямъ, за Алешу заступился Илья⁵⁾.

По четвертымъ, Добрыня совсѣмъ его не тронулъ и только посмѣялся надъ нимъ, по нѣкот., Алеша посмѣялся самъ надъ собою⁶⁾.

Тѣма о принужденіи жены ко вступленію въ новый бракъ во время долгаго отсутствія мужа, странствующаго вдали, принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ⁷⁾ и встрѣчается не только на

1) Тоже изреченіе повторяетъ Иванъ Гоудиновичъ: Гильф. 516—517.

2) Онежскія былины, 356—357, 501, 137—138, 251.

3) Тамъ-же, 357, 1325; Рыбниковъ III, 83 и 91.

4) Он. был., 251.

5) Тамъ-же, 584, 609—610.

6) Тамъ-же, 642. Кир. II, 14.

7) См. ст. W. Müller'a „Die Fahrt in den Osten“ при „Niedersächsische Sagen und Märchen“, изданныхъ имъ и Шамбахомъ, и книгу О. Θ. Миллера, стр. 523—545. Возраженіе противъ мионическаго толкованія этой саги см.

Востокѣ и въ древне-греческомъ эпосѣ (въ Одиссеѣ), но даже и у сѣверо-американскихъ диварей¹⁾. Этотъ мотивъ былъ извѣстенъ въ средніе вѣка въ особенности въ нѣмецкихъ земляхъ и былъ приуроченъ къ нѣсколькимъ личностямъ былеваго эпоса, къ Карлу В., къ Рейнфриту Брауншвейгскому, къ Генриху Льву. Наши былины о Добрынь, Алешѣ и Настасьѣ Микуличнѣ²⁾ представляютъ такія черты сходства въ *мелкихъ частностяхъ* съ нѣкоторыми изъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ обработокъ этой саги, что является настоятельная необходимость выдѣлить взаимное отношеніе нашихъ пѣсенъ и нѣмецкихъ сказаній. Упомянутыя былины согласны во многомъ съ различными ниже-нѣмецкими и датскими изводами саги о Рейнфритѣ Брауншвейгскомъ (въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ онъ былъ называемъ просто Брауншвейгомъ или Брунsvикомъ)³⁾, въ особенности же напоминаютъ датскія народныя пѣсни о немъ, составленныя по ниже-нѣмецкимъ, но еще не указано такое западное сказаніе, которое сошло бы съ нашими былинами *во всѣхъ важнѣйшихъ частностяхъ*, и весьма возможно, что матеріаломъ для былинъ о женитьбѣ Алешы послужила не сага о Брауншвейгѣ, а какіе-нибудь другіе нѣмецкіе изводы основной тѣмъ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, на нашъ взглядъ, невозможно отстаи-

у Wollner'a (стр. 66—70). Другія указанія см. въ ст. Фейфалика „Nachtrag zu der Abhandlung über zwei böhmische Volksbücher zur Sage von Reinfrid von Braunschweig“ въ „Sitzungsberichte d. philos.—hist. Classe der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften“, Bd. XXXII, II Heft, Ss. 322 *ide.*, въ особенности — въ ст. Pio Rajna „La Novella boccacesca del Saladino e di messer Torello“ въ „Romania“ 1877, № 23. Др. указанія у Prutz'a: Kulturgeschichte der Slawen, Berlin 1883, S. 569. Подобный мотивъ встрѣчается и въ романѣ о Ренарѣ; см. у Л. З. Колмачевскаго: Животный эпосъ на Западѣ и у славянъ, Казань 1882, стр. 223—224.

¹⁾ Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, Vol. 1, fasc. II (Aprile—Giugno 1882), 318.

²⁾ Нѣкоторыя былины называютъ иначе жену Добрыни.

³⁾ См. о ней ст. Gödeke въ „Archiv“ etc. 1849 (стр. 179—281), вышедшую и отдѣльнымъ оттискомъ; далѣе,—статью Фейфалика въ XXIX томѣ „Sitzungsberichte“ Вѣнской академіи и цитованную выше дополнительную замѣтку его же. На статьи Фейфалика указалъ и А. Н. Веселовскій въ Исторіи русской словесности Галахова I², стр. 448.

⁴⁾ Сходство между различными нѣмецкими сказаніями и нашими бы-

вать вмѣстѣ съ О. Э. Миллеромъ „до сихъ поръ еще не порванную связь между нашимъ сказаніемъ и соотвѣтственными арійскими“.

линами о поѣздкѣ Добрыни въ дальнюю сторону замѣчается во всемъ ходѣ разсказа тѣхъ и другихъ. Герои западныхъ сказаній, какъ и Добрыня, принадлежатъ къ рыцарскому классу или вообще къ военному сословію. Они отправляются на край свѣта или же на востокъ для борьбы съ невѣрными, просто въ походъ или для поклоненія святынямъ. Добрыня былъ посланъ Владиміромъ на „дальну службу заочную“ въ „орды немирныя очистить дороги прямоѣзжія“, побить силушки двѣнадцать орды, или же за море свезти дань за 12 лѣтъ, или въ татарскую землю собрать дань за 12 лѣтъ, или въ Литву за данью, при чемъ у князя былъ умыселъ погубить тѣмъ Добрыню; по другимъ пересказамъ, Добрыня поѣхалъ порубить татаръ и Литву, нападавшихъ на Кіевъ, а затѣмъ отправился за *славно сине море*; по нѣкоторымъ былинамъ, Добрыня самъ вызвался на предложеніе Владиміра или даже безъ вызова пожелалъ „сѣздить на чисто на полѣ, исполковать, могучи плечи росталковать“. Судя по пѣснямъ, съиграннымъ Добрынею на свадебномъ пирѣ у Алеши, Добрыня былъ и въ Царь-градѣ, и въ Іерусалимѣ; по нѣкоторымъ былинамъ, Добрыня ѣздилъ въ Королевство Заморское. По западнымъ разсказамъ, удаляющійся мужъ поручаетъ охрану жены то своему другу, то боевому товарищу, то *einem jungen* и позволяетъ ей при отъѣздѣ взять другаго мужа только по прошествіи извѣстнаго времени; въ отсутствіе его жену *принуждаютъ* выйти за другаго (въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ—за друга уѣхавшаго мужа), и совершается свадьба. Мужъ узнаетъ о томъ чудеснымъ образомъ въ далекихъ краяхъ отъ *ангела*, отъ злаго духа или отъ *отшельника*. Нашего Добрыню извѣщаетъ то *калика*, то Илья Муромецъ, то „малая служаночка“, которая обернулась „малой колпичей“, то проязычившій конь, то *юлубъ* и *юлубка*, которые и въ западномъ эпосѣ, и въ нашихъ сказаніяхъ являютъ олицетвореніемъ ангеловъ. Мужъ возвращается домой весьма быстро, большею частію—однимъ полетомъ: въ западныхъ изводахъ его переноситъ злой духъ; нашего Добрыню несъ его конь, который „съ горы на гору да перескакивалъ“, „съ холмы на холму перепрядывалъ, рѣки—ты озера промежъ ногъ спускалъ“ и уподобляется въ этомъ случаѣ коню Ильи Муромца и другихъ богатырей. По одному нѣмецкому сказанію, Карлъ возвратился въ Ахенъ въ три дня, и тоже говорятъ нѣкоторыя былины о Добрынѣ. Въ большей части сказаній мужъ прибылъ въ моментъ свадебнаго пира и по одной датской пѣснѣ вызываетъ жениха чрезъ привратника; по нѣмецкой поэмѣ, его не пропускали драбанты; Добрынѣ возвра-

Не встрѣчается ли въ былинѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ еще одинъ слѣдъ вліянія германскаго былеваго эпоса на русскій? Было бы весьма интересно выяснитъ, каковымъ путемъ и когда проникъ въ Русь широко распространенный мотивъ о возвращающемся мужѣ и какъ онъ былъ прикрѣпленъ въ былевомъ эпосѣ къ именамъ Добрыни и Алеши. Это сказаніе могло быть занесено къ намъ *нижне-нѣмецкими* людьми чрезъ западныя окраины, чрезъ Новгородъ, который былъ естественнымъ проводникомъ западнаго вліянія въ до-татарское и татарское время. Второй путь перехода пролегалъ чрезъ юго-западъ. Сказаніе о Брунцвикѣ было извѣстно въ Чехіи въ достаточной степени уже въ концѣ XIV в. Если оно составило основу былинъ объ Алешѣ, то было припесено къ намъ оттуда въ пересказѣ, отличномъ отъ того, который уцѣлѣлъ въ сохранившихся чешскихъ народныхъ книгахъ о Брунцвикѣ, одна изъ коихъ была переведена на русскій языкъ¹⁾. Въ разсматриваемыхъ былинахъ Добрыня представленъ весьма искуснымъ скomorохомъ, и эпизодъ, передаваемый ими, могъ быть весьма по сердцу этимъ странствующимъ потѣшникамъ, которымъ А. Н. Веселовскій приписываетъ видное участіе въ распространеніи на Руси западно-европейскихъ сюжетовъ²⁾.

няли входъ придверники-приворотнички, но онъ прорвался силою. Возвратившійся мужъ не узнавъ въ началѣ, и жена признаетъ его по кольцу, опущенному имъ въ поднесенную ей чару вина. Жена бросается тогда къ нему и радостно называетъ его своимъ настоящимъ супругомъ. Что до расправы Добрыни съ Алешкою, то въ нѣкоторыхъ вариантахъ Добрыня прощаетъ брату названому его поступокъ, и такое поведеніе его соотвѣтствуетъ учтивому обращенію обиженнаго мужа съ насильникомъ въ нѣкоторыхъ западныхъ изводахъ, хотя поступокъ Алеши, нарушившаго братство, вполне заслуживалъ того наказанія, о которомъ говорятъ другіе пересказы.—Мотивъ переѣзда на бѣсѣ въ одну ночь изъ Палестины общъ западнымъ сказаніямъ съ нашею легендою объ Иоаннѣ Новгородскомъ. У Цезарія Гейстербахскаго диаволь, подхвативъ рыцаря, „in parte diei ab India in Theutonium ab ortu solis in eius occasum transvexit“; ср. ст. P. Rajna p. 368.

¹⁾ А. Н. Пыпина Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 223 и слѣд.

²⁾ Разысканія VI—X, стр. 218.

Была и еще одна возможность проникновенія занимающаго насъ мотива въ наши народныя сказанія, именно—чрезъ католическихъ проповѣдниковъ: онъ былъ включенъ въ сборники разсказовъ, которые доставляли матеріалъ для поученій. Какъ извѣстно, католическіе проповѣдники, преимущественно францисканцы и доминиканцы, пытались неоднократно начиная съ XIII-го столѣтія проникнуть на юго-западъ, и можно думать—это удавалось имъ по временамъ уже при русскихъ князьяхъ, въ особенности послѣ Данила Галицкаго¹⁾.—Сказаніе о неудачной попыткѣ воспользоваться отсутствіемъ витязя для принужденія жены его ко вступленію въ новый бракъ было примѣнено къ Добрынѣ и Алешѣ въ періодъ отъ половины XIII в. до начала XVI-го, когда оба богатыря, судя по словамъ хронографа и другихъ лѣтописныхъ сводовъ, были поставлены уже въ тѣсную связь²⁾; ранѣе второй половины XIII-го столѣтія это примѣненіе не могло совершиться потому, что Цезарій Гейстербахскій, у котораго сохранился одинъ изъ самыхъ древнихъ дошедшихъ до насъ нѣмецкихъ пересказовъ саги объ утѣсненіи, испытываемомъ женою въ отсутствіе мужа, писалъ въ 1222 г., а составленіе поэмы о Рейнфритѣ относится къ концу XIII в.³⁾.

¹⁾ См. ст. И. И. Малышевскаго о Яцкѣ Одровонжѣ въ „Трудахъ Кіевской Дух. Акад.“ На роль проповѣдниковъ въ распространеніи сюжетовъ сказокъ и повелѣ въ славянскихъ земляхъ указалъ И. В. Ягичъ въ исторіи сербско-хорватской литературы; его мнѣніе было повторено Н. И. Петровымъ въ статьѣ „Южно-русскія легенды“ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1877 г., т. I.

²⁾ Упомянутое сѣверно-восточныхъ лѣтописей и лѣтописныхъ сводовъ о Добрынѣ, какъ о современникѣ и сподвижникѣ Александра Поповича, можетъ быть объясняемо двояко. Восточно-русскія сказанія могли знать Добрыню, какъ мѣстнаго удалца, подобнаго Александру, могли повѣствовать и о другомъ Добрынѣ; но могло быть и такъ, что Добрыня сразу слылъ однимъ изъ богатырей Владимира, и приуроченіе его къ великорусской почвѣ и къ событіямъ XIII-го в. могло быть произвольнымъ дѣломъ позднѣйшаго книжника. Мы склоняемся къ послѣднему предположенію и думаемъ, что такъ какъ позднѣйшія былины говорили о столкновеніи Александра съ Добрынею, то позднѣйшій лѣтописецъ помѣстилъ Добрыню въ число другихъ богатырей, современниковъ Александра.

³⁾ Статья Gödeke, стр. 234.

Любопытна разница въ томъ примѣненіи, какое получилъ бродячій мотивъ въ германскомъ былевомъ эпосѣ и въ нашемъ. По нѣмецкимъ былинамъ, Карлъ В., Брауншвейгъ отправляются сражаться съ невѣрными, Добрыня же ѣдетъ во чисто поле, или за данью въ Ляту, борется съ невѣрными ордами и, если везетъ дань, то побиваетъ утѣснителей. Здѣсь выразились типическія отличія боевыхъ подвиговъ западныхъ рыцарей и нашихъ дружинниковъ: тѣ искали приключеній, боролись будто бы за гробъ Господень, но въ то же время не забывали и себя, а нашимъ витязямъ предстояла борьба съ ближайшими невѣрными и охраненіе отъ нихъ родной земли: изрѣдка цѣлью подвиговъ князей являлась помощь иноплеменнымъ единовѣрцамъ, напр. Византійцамъ, защитою которыхъ отъ Половцевъ прославился Романъ Галицкій.

Пѣсни о женитьбѣ Алеши показываютъ, какъ далеко былинный Алеша отошелъ отъ своего историческаго первообраза „удалаго добра молодца“, первенствующаго витязя въ отборной дружинѣ „храбрыхъ“. Съ теченіемъ времени онъ лишился значительной доли почтенія и славы, какою была окружена память о немъ въ Ростовской землѣ до половины XVI-го столѣт. Нынѣшнія былины называютъ Алешу смѣлымъ, но не удачнымъ, иной разъ изображаютъ его даже трусомъ, который болѣе хвастаетъ, чѣмъ совершаетъ: „пустохвастъ—то есть, вѣкъ дустымъ хвастаетъ“; онъ неводерженъ въ словахъ¹⁾. Въ битвѣ съ противникомъ Алеша не соблюдаетъ должной чести и не заботится о равенствѣ условій боя: онъ не брезгаетъ никакими средствами для торжества надъ врагомъ, переодѣвается каликою, убиваетъ змѣя истростью и затѣмъ обираетъ его, а съ Добрыней бьется, захвативъ предварительно его коня; въ Илью онъ кидаетъ ножъ. Вообще Алеша любитъ изворачиваться обманомъ и лживъ. Хотя онъ богомоленъ, но не прочь соврать и любить нескромныя рѣчи²⁾; склонностію къ лю-

¹⁾ Отголосокъ типа Алеши открываютъ въ лицѣ Фарлафа въ „Русланъ и Людмигъ“ Пушкина; Незеленовъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, Спб. 1882, стр. 55. Изъ нашихъ новѣйшихъ поэтовъ сказаніе объ Алешѣ обработалъ гр. А. К. Толстой, обратившій Алешу въ пѣвца, очаровывающаго красавицъ чудною прелестью пѣсенъ.—Представленіе о хвастливости Алеши могло развиться изъ сказанія о самоувѣренности его, вошедшаго въ древнія пѣсни о Калескомъ боѣ, какъ то видно изъ словъ глгопшсеі о томъ, что Алеша и другіе храбрые пали за гордость.

²⁾ Онежскія былины, стр. 579.

бовнымъ похожденіямъ Алеша напоминаетъ Чурилу, но лишень его изящества и утонченности; онъ наглъ и получилъ прозвище „бабьяго насмѣшника“: „онъ охочъ смѣяться чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ“ и однажды чуть-было не оскорбилъ сестры. Даже вѣшность его не производитъ внушительнаго впечатлѣнія:

Смѣлый Олешенка Поповичъ онъ на пожку храмъ да на походеу
своръ ¹⁾.

Потому-то теперешнія былины выражаются объ Алешѣ весьма неуважительно, иногда даже называютъ его воромъ—собакою, и также презрительно отзываются объ Алешѣ и относятся къ нему и богатыри, какъ мы видѣли изъ поступка Добрыни, пощелкавшаго Ростовскаго витязя шалыгою подорожною, ударившаго его о кирпичный полъ и тому под.

Древнія пѣсни объ Александрѣ не могли рисовать его въ такомъ видѣ. Мѣстные Ростовскія сказанія не могли-бы прославлять подобнаго богатыря и сохранять память о немъ предпочтительно передъ другими. *Древнѣйшая* былевая пѣсня можетъ избрать своимъ героемъ подобную непривлекательную личность только въ томъ случаѣ, если она выдавалась чѣмъ-нибудь въ дѣйствительной исторіи; позднѣе въ эпосъ проникаютъ романическіе эпизоды и въ немъ вырабатываются разнообразныя типы. Вслѣдствіе того мы признаемъ нечестность Алешы позднѣе выработанною чертою и считаемъ излишнимъ объяснять ее мнѣнческою двойностью нрава и мнѣнческою основою, на которую указываетъ О. Э. Миллеръ ²⁾. Какимъ представляли Алешу древнія сказанія, показываетъ Тверская лѣтопись. Вообще замѣчается постоянная двойственность въ былинныхъ изображеніяхъ Алешы: смѣлости его противорѣчитъ привычка прибѣгать къ изворотливости, а съ набожностію его и съ тѣмъ, что его „молитвы доходны ко Христу“, не совсѣмъ согласуется его вольный нравъ. Ясно, что былинный типъ лишился первоначальной цѣльности и подвергся искаженію, каковое можно замѣтить отчасти и въ типѣ Ильи.

Можно ли поставить въ вину нашему эпосу подобное удаленіе

¹⁾ Онежскія былины стр. 166. Миеологическое объясненіе хромоты Алешы см. въ книгѣ О. Э. Миллера стр. 537.

²⁾ Илья Муром. 443.

отъ исторической правды и считать его на основаніи переработки подобныхъ исторій не оригинальнымъ, но подражательнымъ?

Нисколько. Въ настоящее время въ каждомъ былевомъ эпосѣ открыто столько эпизодовъ и мотивовъ, общихъ другимъ, что не можетъ быть и рѣчи на основаніи ихъ о несамостоятельности содержанія какого-нибудь народнаго эпоса и его частностей. Національными во всякомъ эпосѣ являются преимущественно его построение, общее направление и типическія особенности героевъ.

Если жизнь былиннаго Алеши была прекращена въ дѣйствительности Калкской битвой, то ясно, что приуроченіе къ его имени разсмотрѣннаго бродячаго эпизода должно было произойти послѣ 1223 года. Слѣдовательно, развитіе былинъ до-татарскаго времени продолжалось послѣ татарскаго нашествія. Тогда, вѣроятно, совершалось нарастаніе бытовыхъ чертъ, благодаря которому Алеша былъ надѣленъ особенностями, отличающими, по народному представленію, то сословіе, къ котораго онъ вышелъ. Поводъ къ тому подало, вѣроятно, его прозвище ¹⁾). Былины начали говорить объ Алешиныхъ „глазушкахъ поповскіихъ“ и т. п.

Переходъ былевыхъ героевъ въ типическіе бытовые образы встрѣчается и у другихъ народовъ, напр. въ эпосѣ финновъ Калевалѣ. Иногда наклонность къ такой обрисовкѣ доводитъ до совершеннаго подавленія историческихъ повѣствованій, до лишенія героевъ исторической обстановки. Это мы замѣчаемъ въ былевыхъ сказаніяхъ кавказскихъ народовъ.

Наше долгое странствованіе изъ вѣка въ вѣкъ вслѣдъ за Алешей и его сподвижниками въ Калкскомъ бою окончено: мы установили зарожденіе былинъ объ Алешѣ и о погибели богатырей изъ скорбныхъ пѣсней XIII столѣтія и ознакомились съ дальнѣйшей судьбою ихъ до нашихъ дней. Мы касались при этомъ отчасти и общаго хода развитія нашего былеваго эпоса. Онъ возникалъ подъ живымъ впечатлѣніемъ, которое вызывали крупныя историческія событія, и слагался постепенно въ большой циклъ, въ который входили и мѣстные богатыри, и герои бродячихъ сказаній. Но основа не утрачивалась, и исто-

¹⁾ Ягичъ, Gradja, 49. Это ясно видно изъ нѣкоторыхъ былинъ. См., напр., пѣсни Кирѣевскаго, I², стр. 48. Онежскія былины, 530 и т. п.

рическая наука можетъ отнести теперь съ большимъ довѣріемъ къ былевому эпосу: она найдетъ въ немъ не только правду идеальную, но немало также и правды дѣйствительной. Точка отправленія нашего эпоса—національная, національно также основное содержаніе его, а равно въ высокой степени націоналенъ и духъ, его проникающій.

Мало того: нашъ былевой эпосъ сослужилъ великую службу русскому народу. Наши былины проникали весьма туго въ нашу литературу—не то, что на Западѣ,—онѣ не получили художественной литературной обработки, но все-таки эпосъ былъ самымъ живымъ и яркимъ общенароднымъ выразителемъ древнихъ основъ нашей государственной жизни, онъ рисовалъ идеалы земскаго служенія и всеобщаго общенія въ этомъ великомъ дѣлѣ. Потому-то такъ и хранилъ его русскій народъ.

На европейскомъ Западѣ давно вымеръ древній былевой эпосъ; уже прошло нѣсколько столѣтій съ той поры, какъ замолекли пѣсни о Карлѣ В., о Сидѣ, и кой-гдѣ только поются еще старыя баллады Нибелунгскаго цикла.

Не то видимъ на нашемъ востокѣ: былеваго эпоса не утратили даже кавказцы; мы же сохранили его въ замѣчательной свѣжести и полнотѣ, и нужно удивляться въ этомъ случаѣ живучести народнаго преданія.

Русскому народу на сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ достался счастливый удѣлъ сохранить въ древнихъ пѣсняхъ до настоящаго времени живую память о самыхъ отдаленныхъ временахъ своего историческаго существованія.

Южная Русь не можетъ похвалиться тѣмъ въ такой мѣрѣ, но отсюда нельзя выводить тѣ заключенія, какіе были провозглашены Погодинымъ и его послѣдователями.

Послѣ татарскаго нашествія наступило раздробленіе Руси на три отдѣльныя крупныя части: 1) Русь Малую, или Галицко-Волинскую, 2) Русь Бѣлую и Черную и 3) Русь Новгородскую и восточную, но древній былевой эпосъ въ первые вѣка распаденія былъ, повидимому, столь же извѣстенъ на югѣ, какъ и на сѣверѣ. Въ XVI-мъ столѣтіи здѣсь, въ Кіевѣ, хорошо знали подвиги Ильи Муромца¹⁾, пѣли про

¹⁾ Это тѣмъ менѣе удивительно, что въ настоящее время все болѣе и болѣе становится вѣроятнымъ предположеніе, что Илья былъ приуроченъ

Михаила Игнатьевича, котораго позднѣйшій малорусскій изводъ превратилъ въ Михайляка, унесшаго Золотыя Ворота, знали былины о Соловьѣ Буджировичѣ¹⁾. Всѣ эти витязи назывались здѣсь богатырями, и слово это перешло въ тогдашній польскій языкъ²⁾. Въ Галичинѣ еще извѣстно имя Чурила³⁾. Можно возстановить и еще нѣкоторыя

къ великорусской почвѣ впоследствии и что первоначальная форма его прозвища была не Муромецъ, но Моровлянинъ, Моровлянинъ, Муровець. См. ст. А. Н. Веселовскаго „Исполнѣтъ Илья Муромецъ у Луиса Де-Кастильо“ въ апр. книжкѣ „Журн. Мин. Народ. Просв.“ 1883 г. Ср. прозвище Ильи въ нѣкоторыхъ былинахъ.

¹⁾ Веселовскій, Южно-русскія былины, Спб. 1881. Это изслѣдованіе болѣе всѣхъ предыдущихъ попытокъ другихъ ученыхъ убѣждаетъ въ справедливости взгляда, что многія изъ былинъ, уцѣлѣвшихъ въ настоящее время только на окраинахъ Великороссіи, были извѣстны довольно долго и на югѣ, гдѣ получали по временамъ своеобразное развитіе.

²⁾ Клѣновичъ, Flis, Gdańsk 1829 г., стр. 18, 21, 24.

³⁾ См. В. Б. Антоновича и Драгоманова Историческія пѣсни, I, 54—56 и ст. Н. И. Петрова „Слѣды сѣверно-русскаго былеваго эпоса въ южно-русской народной литературѣ“ во II-мъ т. „Трудовъ Кіевской Дух. Академіи“ 1878, стр. 387. Къ извѣстнымъ указаніямъ прибавимъ найденное нами у графа Іосифа Дунина-Борковскаго въ его Pisma (Dzieła znakomitych pisarzy krajowych, t. I, We Lwowie 1857, Przypis do str. 39: „Bohater, którego niniejsza pieśń opiewa, nazywa się najpowszechniej Czuryło, gdzie śpiewają Drzuryło, a w Przemyskim Ciuryło, jak świadczy Loziński, w opisie ruskiego wesela. Nazwisko to, znane jest szczególnie nad Dniestrem, górale nie znają go wcale. Taniec Czuryły, w którym pieśń o nim śpiewają, jest częścią tańca weselnego: Korowodu. Widziałem go w Czortkowskim nad Dniestrem. Tańczący suną jeden za drugim zwolna, poważnie, wytupując nogami i zwracając się na lewo i na prawo; co nazywają pleszeniem, płasaniem: trzymają się przy tem za chustki, za ręce, albo je za pasy wkładają. Kto był ten Czuryło trudno odgadnąć. Niesiecki mówi, że jednego z pięciu synów Alex. Gorajskiego, któremu na imie było Cyrył, lud Czuryłem przewał. Od Jędrzeja Czuryła podkomorzego przemyskiego zaczyna to nazwisko być rodzinnym. Marcin Czuryło rotmistrz zyjący w XVI wieku, odznaczył się w wojnach z Turkami i Wołoszą walcząc pod hetmanem Mieleckim. Z tem wszystkim pieśń i taniec Czuryły zdają się być bardzo stare, a podobną do prawdy jest rzecz, że Czuryło jest bohaterem staroświeckich czasów, jakimś półbożkiem; może plemionom pokrewnym Rossjan i Słowaków nie jest obcym to nazwisko.

частности тогдашнихъ малорусскихъ сказаній, напоминающія нывѣшнія былины ¹⁾. Но, повидимому, общерусскій былевой началъ выми-

Kollar nazywa go bożkiem w swoim zbiorze pieśni słowackich. Pieśni o nim jest bardzo mało, i te nie zdają się być ino odmianami jednej i tej samej pieśni, która mimo to nie jest zupełna". Упомянутый здѣсь случай перехода имени былеваго героя въ хороводныя пѣсни не единиченъ: Алеша раздѣлилъ ту же участь съ Чуриломъ. Имя Чурила встрѣчается въ довольно раннихъ актахъ. Въ записи 1385 г. названъ *Чурило* Бродовскій (Codex epistolaris Vitoldi, 1882, p. 41). Въ лѣтописи, изданной Н. Львовымъ (ч. II, Спб. 1792, стр. 165) упомянутъ при Пименѣ приставъ Иванъ Григорьевичъ *Чуриловъ* Драница. Къ XV-му стол. относится нѣсколько записей имени Чурилы: *Bibliot. Ossolińskich, t. III, Ziemia Lwowska, str. 31* (подъ 1410 г.); *Akta grodzkie i ziemskie, t. VII, № XXXIII, str. 66* („Czurilo de Stoyanicze“) и пр.

¹⁾ То, что говорится въ современныхъ былинахъ объ удаленіи богатырей въ монастыри и пещеры и о святости Ёльи, напоминаетъ слова Станислава Сарницкаго въ его *Discriptio Poloniae*. Подъ рубрикой *Kiowia* у него читаемъ: „Sedes antiqua Ducum Russiae. Et quod olim Romani de septentrionalibus et Indianis monstris et miraculis sparserunt, hoc Russi de prodigiis et heroibus suis, quos *Bohatiros*, id est semideos vocant, aliis persuadere conantur. Contumulare autem istos solent in cauernis rupium“.... Лейпцигское изданіе Длугоша, t. II, col. 1093. Интересно отождествленіе богатырей съ угодниками.—У Михалона Литвина употреблено названіе, напоминающее былинное выраженіе: „*Chogobra Litwa i. e. ferox Lithuania*“ (*De mor. Tart.*); не есть ли это также слѣдъ извѣстности былинъ въ западной Руси, или же Литва называлась „хороброю“ въ обыденной рѣчи?—Въ актѣ 1443 г. мы встрѣтили названіе *Wolchowa dolina* (*Bibl. Owsol. t. III, str. 65*).—Отмѣтимъ еще одну подробность былинъ, которая, быть можетъ, имѣла источникомъ если не Кіевское, то вообще южно-русское преданіе. Былины о татарскомъ нападѣніи на Кіевъ изображаютъ участіе Богородицы къ судьбѣ этого города. Златорогіе туры, бѣжавшіе мимо,

...видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно:
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ—гуляетъ душа красная дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а въ двое плачетъ.

Турица такъ истолковала это видѣніе своимъ дѣтямъ:

ратъ на югъ съ 40-хъ годовъ XVII-го стол., когда южно-русскому народу пришлось напрягать всѣ свои силы въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Къ старымъ врагамъ, татарамъ, заступившимъ мѣсто Печенѣговъ и Половцевъ, присоединились новые—турки. Подъ вліяніемъ усиленной борьбы съ тѣми и другими былины начали переходить постепенно въ думы. Старый эпосъ могъ быть забытъ тѣмъ скорѣе, что новый являлся, по своей идѣ, продолженіемъ его. Вѣдь и древнія былины повѣствовали преимущественно о борьбѣ со степными кочевниками, о походахъ на югъ, къ Царю-граду¹⁾, а нѣкоторыя изъ нихъ

Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣны,
 А ходила та Мать Пресвята Богородица,
 А плакала стѣна мать городовая,
 По той ли по вѣрѣ христіанскія,—
 Будеть надъ Кіевъ градъ погибель:
 Подымается Батыга сынъ Сергѣевичъ....

Намъ неизвѣстно, было ли подобное преданіе въ Кіевѣ. Если было, то могло приурочиваться къ *нерушимой* стѣнѣ Софійскаго собора. Въ другихъ мѣстностяхъ южной Руси уцѣлѣли слѣды подобной легенды. Такъ, намъ сообщали, что въ 8 верстахъ отъ Пирятина, на берегу рѣки Удаа, между тремя дубами есть углубленіе, и по народному преданію, незадолго до прибытія Шведовъ тамъ видѣли Богородицу, которая стояла у аналоя въ траурномъ облаченіи, плакала и возвѣстила о предстоящемъ бѣдствіи. Извѣстна Почаевская легенда о заступничествѣ Богородицы во время нападенія татаръ на монастырь. Ср. образъ панночки въ одной коллѣдѣ. Ант. и Драг. I, 34.

¹⁾ См. „Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка („Сказаніе о кѣвскѣи богатырѣ“, какъ ходили во црѣ-градъ и какъ побили цреградскихъ богатырей, зчинили себѣ чть), открытое Е. В. Барсовымъ“, Спб. 1881, стр. 8—10. Интересна характеристика Алеши въ этой „старинѣ“, въ которой обозначаются уже черты, выдвигаемыя въ немъ современными былинами (стр. 17 и 19), и въ то же время еще не видно полного искаженія; напротивъ, удалство Алеши напоминаетъ лѣтописнаго Александра Поповича (см. стр. 21—22). Въ современныхъ былинахъ сохранилось сравнительно немного указаній на походы на Византію; въ былинѣ о Волгѣ древняя основа подверглась значительной передѣлкѣ.—По словамъ Анонима Нотарія Белы, у Мадьяръ также имѣлись былины, въ которыхъ ioculatores и сельане воспѣвали „*forcia facta et bella Hungarorum, usque in hodiernum diem oblivioni non tradunt, sed quidam dicunt, eos iuisse usque ad Constantinopolim, et portam auream Constantinopolis Botondium cum dolabro suo*

говорили и о плаваніи по морю¹⁾. Съ теченіемъ времени онѣ получали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ козацкій оттѣнокъ²⁾.

Интересно было бы выяснить, подпадалъ-ли въ этомъ случаѣ богатырскій эпосъ вліянію козацкаго, или, наоборотъ, самъ составлялъ

incidisse". Ср. легенду о походѣ Болеслава Храбраго на Кіевъ. Упомянутыя мадьярскія былины существовали еще въ XVI в. Ios. Lad. Pič, *Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht*, Leipzig 1882, s. 4.

¹⁾ См., напр., былины о Соловьѣ Будиміровичѣ. Въ описаніи его корабля А. А. Котляревскій видѣлъ изображеніе древне-скандинавскаго корабля. См. его замѣтку „Скандинавскій корабль на Руси“ въ I-мъ томѣ „Древностей, Трудовъ Моск. Археолог. Общ.“ и въ отдѣльномъ оттискѣ.

²⁾ По нѣкоторымъ вариантамъ, на Соколѣ-кораблѣ были атаманъ, подъ-атаманъ и есаулъ; корабль этотъ столкнулся съ Турецкимъ флотомъ (Пѣсни, собр. Кирѣвскимъ, I², стр. 22—23; Онежскія былины, 284). Былины называютъ перѣдко Илью „старымъ козакомъ“ и изображаютъ козацкій строй на богатырской заставѣ: богатыри избираютъ атамана. Былинныя витязи, какъ и герои думъ, отправлялись „во чисто поле поляковать, козаковать“, бывали и въ Царь-градѣ. Илья собирался въ Царь-Градъ „Турочекъ всѣхъ повырубать, а Турчаночекъ во полонъ взять“ (Кир. I, стр. 15⁴). По нѣкоторымъ изводамъ былины объ отъѣздѣ Добрыни, онъ отправился „на ту границу на турецкую“. Въ былинѣ о взятіи Азова выступаетъ „Санталь турецкій“, какъ и въ былинѣ о Вольгѣ. Былина о взятіи Азова (Онежскія былины, 174—176) подтверждаетъ справедливость соображенія г. М. Т-ва относительно существованія великорусской пѣсни объ этомъ событіи (Кіевская Старина 1882 г., № 11, „Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности“, стр. 238 и 240) и въ тоже время заставляетъ согласиться съ мнѣніемъ И. П. Новицкаго (Кіевская Старина 1882, № 9, „Еще по поводу народной пѣсни: о взятіи Торческа, или же Азова“) о томъ, что пѣсня о взятіи Азова могла возникнуть и распространиться въ южной Руси вслѣдствіе связей Донскаго и Запорожскаго козачества. Былина и малорусская пѣсня отправляются въ основѣ отъ одного и тогоже преданія, но развиваютъ его различно и довольно самостоятельно. Что до странствующей подробности о взятіи города посредствомъ хитраго ввоза солдатъ, то она встрѣчается уже въ древнихъ египетскихъ сказкахъ: Maspero, *Les contes populaires de l'Égypte ancienne*, Paris 1882, pp. XXV—XXXIII. Великорусская былина о взятіи Азова возникла на Дону и интересна, какъ одинъ изъ остатковъ исторической эпикіи Донскаго козачества, не лишенной, повидимому, сходства съ малорусскими думами. Связи несомнѣнно были. Въ былинахъ упоминаются, напр., чумаки. Гильф. 993, 1175 и др.

переходъ къ этому послѣднему? Кажется, что современныя былины прониклись отчасти козацкимъ духомъ на Дону ¹⁾. Въ южной Руси могло происходить такое же примѣненіе древняго эпоса и *постепенное* замѣщеніе героевъ его новыми. Рядомъ съ остатками древняго творчества должно было имѣть мѣсто новое, но и въ немъ, въ южно-русскихъ историческихъ пѣсняхъ, возникавшихъ подъ вліяніемъ борьбы съ татарами, турками и поляками, слышались по временамъ отголоски стараго эпоса княжескаго періода, повторялись нѣкоторые изъ его эпизодовъ, отсылались его приемы изображенія ²⁾, какъ уцѣлѣли нѣкоторыя древнія воспоминанія въ бытовыхъ пѣсняхъ и колядакахъ ³⁾.

¹⁾ Въ былинахъ встрѣчаются нерѣдко упоминанія о Донскихъ козакахъ. См., напр., Онежскія былины, стр. 250.

²⁾ См. рефератъ О. Э. Миллера въ „Трудахъ III-го Археологическаго съѣзда“ и статью Н. И. Петрова: „Слѣды сѣверно-русскаго былеваго эпоса въ южно-русской народной литературѣ“. Замѣтимъ, что приемы, употребляемые вторымъ изъ этихъ изслѣдователей для открытія слѣдовъ былеваго эпоса на югѣ, не всегда могутъ обезпечивать отъ ошибокъ: можно найти въ народныхъ южно-русскихъ сказаніяхъ такіе сходные съ былинными эпизоды, которые уцѣлѣли не изъ былинъ, а существовали независимо въ силу общаго характера народнаго творчества.

³⁾ См. капитальное изслѣдованіе А. А. Потебни о малорусскихъ пѣсняхъ въ „Филологическомъ Вѣстникѣ“ 1882 и 1883 гг., замѣчанія объ эпическихъ мотивахъ колядокъ въ „Разысканіяхъ VI—X“ А. Н. Веселовскаго, стр. 265 и сл. См. также рецензіи: А. А. Потебни—на „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Э. Головацкимъ“ и А. Н. Веселовскаго—на „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край“ въ „Отчетѣ о двадцать-второмъ присужденіи наградъ графа Уварова“ (Спб. 1880).—Въ колядакахъ начали отрывать историческія воспоминанія уже въ 30-хъ годахъ. Приведемъ здѣсь соображеніе по поводу колядки о *русскомъ королѣ* и объ убіеніи имъ Турскаго царя, указанное намъ А. Н. Щербаномъ (во Львовѣ) въ книжкѣ, которая, по всей вѣроятности, мало извѣстна у насъ и носитъ слѣдующее заглавіе: „Costy a prócházky po Halické zemi. Sepsal Karel Wladislaw Zap, w Praze 1863 (Zrcadlo života na wichodni Ewropě. Wydal K. W. Zap. Nowe laciné wydání. Swazek III). Эта колядка, перепечатанная потомъ въ собраніи Головацкаго и затѣмъ въ „Историческихъ пѣсняхъ малорусскаго народа“ В. Б. Антоновича и Драгоманова, была препѣта пріятелю Zap'а, Вагилевичу, въ 1839 г. въ Титковѣ Станиславскаго округа. Къ ней присоединено

Замѣчательнѣе всего, что въ южнорусскомъ эпосѣ уцѣлѣло имя Алеши Поповича ¹⁾. И въ новомъ эпосѣ онъ остался типическимъ

слѣдующее замѣчаніе: „Ze tato koleda má jisty historycký základ každý lahko uzná. Dle zdani p. Wahylewiče ještě w 12 století powstati musela, w časech po smrti halického krále Daniela († 1266) a českého krále Přemysla Otakara II († 1278). W osobě turského cara rozumí bud' nekteřého z chanůw Tatarských neb Buňáka prašiwého, chana Polowcůw. Že se tu na bezkráli w české zemi narázi, lahko da se wyswětliti, an Daniel a Lew, králowé Halickí, s Čechy tehdaž častě styžnosti měli, a ruský lid o Otakorowě smrti na Moravském poli a o maloletnosti jeho syna Wáclawa III. znadno známost míti mohl“ (стр. 120). Ср. объясненіе этой колядки у В. Б. Антоновича и Драгоманова (I, 29), по мнѣнію которыхъ въ разсматриваемой колядѣ отразились позднѣйшія воспоминанія—литовскаго періода.

¹⁾ Безсоновъ—въ приложеніи къ IV-му выпуску пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, XX—XXVII. Мнѣніе его было повторено другими, напр. Л. Н. Майковымъ и О. Э. Миллеромъ. Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ помѣщена въ нѣсколькихъ вариантахъ у В. Б. Антоновича и Драгоманова, I, 176—201. Къ чертамъ сходства Олексія Поповича съ Алешю, указаннымъ г. Безсоновымъ, можно прибавить другія, напр. грамотность того и другаго и гордость. Былиннаго Алешу сближаетъ съ Олексіемъ думъ козацкое званіе перваго: онъ былъ есауломъ на богатырской заставѣ. Быть можетъ, въ такомъ званіи онъ изображался вмѣстѣ Ильи Муромца участвовавшимъ въ плаваніи Сокола-корабля Соловья Будиміровича. Интересно, что, по нѣкоторымъ вариантамъ, этотъ корабль плавалъ въ ряду тридцати (или 33) „по Турецкому морю, морю Черному“, въ которое „выпадала мать Нѣпра рѣка“, или просто по Синему морю Турецкому, или же по морю Дунайскому. Онежскія былины, 172—173; 283; 367. Рыбн. I, 54. Въ нѣкоторыхъ изводахъ во вступленіи упомянуты „широки врата да чигаринскіе“. Козацкій флотъ чуть-было не погибъ на морѣ вслѣдствіе грѣховъ Алеши, его заносчивости не только предъ людьми близкими, но и предъ святыней, отъ его гордости, какъ ею были погублены Калескіе храбрецы. Олексій самъ говоритъ дважды о ней (Ант. и Драг. I, 179):

Либонь мене, козака, панове-молодці,
Найбільше той гріх споткав.

Ср. характеристику Алеши въ „Богатырскомъ словѣ“ (стр. 17):

Всѣ ѣ на пѣще олеши попови,
Что ѣ дь пѣя или не пѣя,

образомъ гордости и молодечества въ соединеніи съ жестокосердіемъ. Это обстоятельство показываетъ, что и послѣ разгрома 1223 г., а можетъ быть и въ позднѣйшее время, происходило общее развитіе стараго былеваго эпоса на протяженіи всей русской земли, что слава сѣверныхъ богатырей была извѣстна югу, и какъ бы подтверждаются слова былины, что объ Алешѣ

Пошла славуша не малая
 Отъ того ли города Ростовскаго
 До того ли до города до Кіева,
 До тое ли горы до Черниговки,
 До того ли шелома оватистаго,
 До тое ли березоньки кудравья ¹⁾.

Изо всѣхъ на охочь бранитися:
 Тотъ жъ на багатырь врычинова.

Дума также говорить о пьянствѣ Олексія, о непочтительности его рѣчей. Двойственность, какую мы отмѣтили въ Алешѣ, замѣтна и въ характерѣ Олексія, если не предполагать, что онъ уже до публичнаго покаянія на морѣ подумалъ о благочестивой жизни. Когда Олексій указалъ на себя, какъ на жертву, которою могла быть отвращена грозившая опасность, казаки сказали ему (Ант. и Др. I, 178; ср. 183):

Ей, Олексію Поповичу,
 Славній *мицарю і писарю!*
 Ти жъ святе письмо
 По тричі на день читаеш
 І нас--простих козаків
 На все добре навчаеш.

Интересно, далѣе, что нѣкоторые варианты думы рисуютъ сцену *выѣзда* Олексія изъ Пирятина, какъ былины говорятъ о первомъ выѣздѣ нѣкоторыхъ богатырей изъ роднаго города. По нѣкоторымъ изводамъ, и у Олексія былъ братъ (вар. Д. Е., Ж. и З) какъ имѣлъ его и Алеша (Екимъ).—Такимъ образомъ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, дума объ Алексѣѣ Поповичѣ и о бурѣ на Черномъ морѣ въ образѣ Олексія и плаванія по Черному морю приближается къ былинамъ и, повидимому, заключаетъ передѣлку былиннаго образа, сохранившую много чертъ стараго эпоса.

¹⁾ „Матеріалы“ Ефименка, стр. 26—27.

Извѣстность былинъ объ Алешѣ на югѣ послѣ татарскаго нашествия вполне понятна: югъ былъ родиной нашего древняго былеваго эпоса. Теперь уже нельзя оспаривать того, что Киевской и Галицко-Волынской Руси принадлежит слава созданія большей части содер-жанія былинъ того періода, когда средоточіемъ Руси былъ „славный городъ Кіевъ“, когда здѣсь

Заводился почестень пиръ
 На многи князя, многи бояра,
 А на всѣ поляницы на удале.

Неизвѣстно только, каковъ былъ складъ этихъ древнихъ былинъ. Быть можетъ, и онѣ уподоблялись думамъ: „Слово о поужу Игоревѣ“ считаютъ древнею думой. Допедашая до насъ позднѣйшая эпика юга запечатлѣна характеромъ, вполне соответствовавшимъ кипучимъ порывомъ народной энергіи и высокому драматизму и лиризму, переполнявшимъ народную жизнь и сообщавшимъ южно-русской поэзіи высшую степень задушевности и глубины чувства. Эпосъ пронялся на югѣ тѣми особенностями, которыя были присущи уже древней южно-русской поэзіи, какъ она отразилась въ „Словѣ о походѣ Игоря“.

Мало по малу югъ забылъ старыи дружинный и княжескій эпосъ. Повсюду раздались пѣсни кобзарей, но то не знаменовало пониженія народнаго самосознанія, не значило, что умеръ поэтическій духъ южно-русскаго народа, что изсякъ его поэтическій гений. Напротивъ, еще съ большимъ блескомъ и силой, чѣмъ въ былинахъ, онъ проявился въ лирическомъ эпосѣ думъ, составляющихъ славу и гордость южно-русской поэзіи и грандіозный монументъ тяжелаго, но вмѣстѣ и славнаго прошлаго.